

Пульс Живой Тьмы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

JULIET BLACK

18+

Juliet Black
Пульс живой тьмы
Серия «Пульс», книга 1

<https://litres.ru/73907729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой мир давно живёт в равновесии, придерживаясь Соглашения, которое не нарушают уже много лет, потому что цена за это слишком высока, и каждый знает, к чему приводит один неверный шаг. Я - наследница Асфира, и я тоже это знала. Но однажды всё равно перешла границу, нарушила закон и навсегда изменила собственную жизнь, оказавшись лицом к лицу с опасным человеком, не знающим жалости. Теперь мне придётся отвечать за свою ошибку на его условиях, и я прекрасно понимаю, что ничем хорошим это не закончится.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	50
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Juliet Black

Пульс живой тьмы

Глава 1

Тепло прошло через ладонь в стебель, и лист под пальцами начал оживать, возвращая цвет и плотность. Лист дрогнул и медленно расправился, будто растение только сейчас вспомнило, как дышать. Достаточно было удержать это на грани и вовремя отпустить, чтобы не перейти ту тонкую линию, где восстановление превращается в давление.

Рука потянулась к следующему растению, когда рядом что-то сдвинулось. Ни звука, ни шага, просто воздух коснулся кожи, и по листве прошла короткая волна. Сухие листья приподнялись, пряди у виска дрогнули, скользнули по щеке.

— Авриэль, я знаю, что это ты, — сказала я, даже не обращившись, уже злясь, потому что он снова подкрадывается.

Авриэль вышел из-за кустов, отводя ладонью ветки. Одна всё равно царапнула его по щеке, и он недовольно поморщился. Закатанные рукава открывали запястья и предплечья, по которым тянулись светлые линии, уходящие под ткань к плечам и выше, к шее, где свечение становилось заметнее. У него свет никогда не выходил из-под контроля.

Даже линии под кожей выглядели напряжёнными, почти как струны. Взгляд скользнул к своим рукам, где под кожей тоже жило это свечение. Слабее, спокойнее, не такое яркое, как у него, но всё равно живое.

Он снова решил поиграть. Отлично. Посмотрим, как ему это понравится...

Под кожей вспыхивает свет. Сначала слабый, едва заметный. Проходит по запястьям и собирается в ладонях. Я не даю ему разрастись, удерживаю, и выбрасываю вперёд, небольшой сгусток света срывается с рук и бьёт его в грудь. Авриэль отступает на шаг, но сразу выпрямляется и смотрит на меня с усмешкой.

— Ты правитель, а ведёшь себя вечно как ребёнок, — бросила я, чувствуя, как внутри ещё гудит после выброса.

Авриэль усмехнулся и пошёл ко мне, словно удара и не было. Судя по улыбке, его это только развлекло.

Бесит...

— Выглядишь как дикарка. Тебе стоило родиться на другом острове, — сказал он с насмешкой. Я сжала кулаки сильнее, чтобы снова его не ударить.

— Да? И на каком же?

Он подошёл почти вплотную, наклонился ближе, и в голосе вместо смеха осталась чистая издёвка.

— Там, где можно делать всё, что хочется, — Он окинул меня взглядом и хмыкнул, заметив грязь на руках. — И ходить как хочешь.

— Ну уж прости, родилась там, где родилась!

Он рассмеялся и тут же растрепал мне волосы, как делал всегда. Я сразу раздражённо перехватила его запястье.

— Да перестань ты, — выдохнула я, убирая его руку.

— Дикарка, — повторил он уже мягче и всё же убрал руку.

Я закатила глаза и отвернулась обратно к клумбам, пытаюсь снова почувствовать Поток, но сосредоточиться сразу не получилось, потому что он остался рядом и никуда не собирался уходить.

Через мгновение его руки сомкнулись у меня за спиной, притягивая ближе, и я дёрнулась, но не вырывалась.

— Пойдём обедать, пока у меня есть время. Хочу побыть с любимой сестрой, — сказал он, уже без насмешки.

— Только что я была дикарка, а теперь любимая сестра?

— Любимая дикарка!

Я фыркнула, но прижалась к нему, уткнувшись лбом в плечо, позволяя себе этот короткий момент, как бы он ни бесил, как бы ни цеплял, рядом с ним почему-то всегда становилось легче.

— Идём.

Камень под ногами тёплый, между плитами пробивается трава, по краям тянутся цветы, их запах держится в воздухе густо и сладко. Дорожки расходятся в стороны, дальше снова цветы, поляны, за ними лес, и всё это уходит куда-то вдаль, так далеко, что я даже не вижу конца.

Асфир никогда не замирал. Здесь всё двигалось, шумело,

светилось, здесь невольно начинаешь идти медленнее и спешить просто не хочется.

Впереди поднимается дворец. Светлый камень, высокие колонны, по ним тянутся тонкие линии, живые, уходящие вверх.

Стражи склоняют головы, пропуская нас, я поворачиваю голову к Авриэлю, смотрю на него и улыбаюсь, горжусь им. Пять лет назад всё легло на него, когда не стало отца. Он стал правителем Асфира и держит его так же, как держал отец, уверенно, редко сомневаясь в решениях

Внутри зал кажется огромным, свет падает на каменный пол, прислуга останавливается, склоняет головы.

— Обед накрыт, — говорит одна из девушек, подходя ближе.

— Хорошо, — отвечает Авриэль, и мы идём дальше через главный зал.

Прохожу чуть вперёд и останавливаюсь у портрета матери, пройти мимо и не посмотреть на неё так и не получилось ни разу.

Мама... какая же ты красивая...

Светлые волосы мягко ложатся на плечи, голубые глаза смотрят прямо, под кожей тянутся тонкие линии, ровные, чистые, поднимаются к шее, и от этого она кажется живой.

— Алария, ты очень на неё похожа, — говорит Авриэль рядом, и я не отвожу взгляда.

— Жаль, что я почти её не помню...

— Ты была маленькой, когда её убили.

— Кто вообще мог решить, что сможет пойти против отца, — слова срываются, потому что это был не враг извне, не чужой, а тот, кто стоял рядом, правая рука, тот, кому доверяли, и именно он пошёл против него, против нас, против всего острова и убил её.

Асфир живёт иначе, здесь не рушат и не берут силой, наш поток лечит, даёт жизнь, держит, а не ломает, и всё равно нашёлся тот, кто решил пойти против этого.

— Не думай об этом, — Авриэль не даёт зацепиться за эту мысль. — Это было давно. Он заплатил. Взял больше, чем смог удержать, и потерял себя. Ты знаешь, чем это заканчивается.

Знаю. Слишком хорошо знаю. Когда пытаются взять слишком много, всё обычно кончается одинаково. Поток выжигает человека изнутри. От него почти ничего не остаётся. Их забирает Путь теней, там сам мир начинает искажаться и лучше умереть.

— Это не должно было случиться.

Авриэль легко толкает меня плечом.

— Пойдём, пока ты опять не ушла в это.

Мы садимся за стол, делаю пару движений почти автоматически, мысли всё равно снова уходят к тому дню. Сколько бы времени ни прошло. Варден. Хранитель Потока. Правая рука отца. Человек, который был рядом столько лет, которому доверяли, которого принимали как своего, именно он за-

хотел забрать всё. Власть. Наш остров. Жизнь нашей семьи.

Авриэль смотрит на меня внимательнее, и говорит спокойно, но так, что сразу понятно, он всё видит.

— Алария, я знаю, что ты опять думаешь об этом дне.

— Я не могу понять, как он на это пошёл, — слова выходят тише, но от этого не становятся слабее, это правда, которую я до сих пор не могу принять.

Он не торопится с ответом, как всегда даёт паузу, а потом говорит спокойно.

— Он хотел власти. В нашем мире таких слишком много.

Я качаю головой, не соглашаясь до конца, для меня это всё равно не объяснение.

— Немезис давно живёт в мире. Все острова, — говорю, и это звучит как что-то очевидное, как основа, на которой держится всё.

— Только из-за соглашения, — отвечает он сразу, в голосе нет сомнения. — Если бы не оно, неизвестно, что было бы.

Я на секунду задумываюсь, понимаю, он прав, но принять это не получается.

— Есть ещё метка она появляется, когда баланс нарушается. Мир сам соединяет Потоки. Это выше любых соглашений, — говорю, поднимая глаза.

— Метка почти стала мифом. И я не считаю это правильным.

— Почему? — спрашиваю сразу.

— Потому что это не выбор, — он говорит без паузы. —

Она связывает людей, заставляет принимать то, к чему они могут быть не готовы. Это давление, а не решение.

— Согласна. Это дикость. И хорошо, что наш мир всё же нашёл решение, войны бы ни к чему не привели, особенно когда у всех разная сила.

Он заканчивает есть быстрее меня, откладывает приборы и поднимается из-за стола.

— Мне пора, — произносит он.

Авриэль подходит ближе, я поднимаюсь, и он обнимает меня, крепко, как всегда, прижимая к себе. Я обнимаю его в ответ и понимаю, что слишком боюсь его потерять. Он единственный, кто у меня остался, и даже думать не хочу, что было бы без него.

— Я пойду прогуляюсь. Может, на лошади прокачусь, — говорю, отстраняясь.

— Будь аккуратна, — отвечает он тихо, касается губами макушки.

Он уходит, шаги быстро затихают в зале, а я еще стою и смотрю туда, где он только что был. Этот человек тащит всё на себе столько лет, и ни разу ни в чем не дал слабину. Рядом с ним всегда чувствуешь себя в безопасности. Мой брат делает всё для города, для Асфира. И всё равно я хочу, чтобы он был счастлив, чтобы рядом с ним был человек, рядом с которым он сможет просто жить.

Я слышала в городе, что у него есть женщины, шёпотом, между собой, осторожно, как будто это что-то запретное. Но

никто никогда не появлялся здесь, ни одна не прошла через эти залы рядом с ним. Всё остаётся за пределами нашей семьи.

И там же говорят другое: у правителя нет наследников. Ему всегда было плевать на сплетни, но в нашем мире правитель без наследников слабое звено. Поток правителей самый сильный, он передаётся дальше, держит землю, и люди это понимают.

Когда-нибудь я выйду замуж и уйду отсюда...

Я обвожу глазами зал, пустой стол, блики света на камне и высокие стены. Это мой дом. И как бы сильно мне ни хотелось остаться, я знаю, что поступить нужно именно так. Когда рядом с ним появится женщина, у Асфира будет правительница. И я не злюсь из-за этого, не цепляюсь за это место, мне это не нужно. Главное чтобы он был счастлив

Я отворачиваюсь и почти сразу срываюсь с места. Шаг уходит в бег, лёгкий, быстрый, воздух скользит по коже, пол уходит под ногами. Поворот и я врезаюсь в Нелли.

— Куда ты так несёшься, Алария Илиорис!!! Ты принцесса Асфира, а ведёшь себя как...

Я уже смеюсь, перехватывая дыхание, поднимаю на неё взгляд, не давая ей закончить.

— Ну давай, договаривай, как кто, как дикарка?

— Я не это имела в виду, — она качает головой, но смотрит так, как смотрела всегда.

— Да-да, конечно, — я отступаю на шаг, всё ещё улыба-

ьясь, — мой брат так говорит постоянно и именно это и имеет в виду!

В её зелёных глазах вспыхивает привычное недовольство, губы сжимаются. Она ставит руки на талию, чуть подаётся вперёд, и в этой позе сразу читается всё, что она собирается сказать: строгая, но тёплая, родная до боли.

— Посмотри на себя, — она подходит ближе, — ты наследница, а носишься по дворцу и одета...

— Я дома, — говорю, удерживая её взгляд, — здесь я не буду прятаться и делать вид, что мне достаточно сидеть тихо и вести себя правильно. Я хочу жить, двигаться, чувствовать этот мир, а не смотреть на него со стороны.

В её взгляде нет осуждения, только то, что было всегда, когда она заботилась обо мне ещё маленькой: когда я не могла уснуть, когда не понимала, почему рядом нет мамы. Когда цеплялась за неё и она была рядом.

Её руки ложатся мне на плечи и тянут ближе, и я сразу подаюсь вперёд, прижимаюсь. Это привычно. Это моё. Она обнимает крепко.

— Понимаю, — говорит она тихо, отстраняясь ровно настолько, чтобы видеть меня, — я вижу, сколько в тебе жизни, но иногда ты даёшь этому слишком много воли. А мир не всегда бережно относится к таким, как ты.

— В Асфире? — я смотрю прямо, не отводя взгляда.

— Я просто волнуюсь за тебя.

Обнимаю её в ответ быстро, крепко и сразу отстраняюсь,

не давая разговору утянуть глубже.

— Со мной всё будет хорошо, я просто выйду, пройду, возьму лошадь.

Она смотрит ещё секунду, потом кивает.

— Не скачи далеко.

— Не буду.

Делаю шаг назад и сразу разворачиваюсь, бег возвращается лёгкий и живой. Вылетаю в коридор, за спиной остаётся её тихий смех. Я не оборачиваюсь, поворот, ещё один, выход, ступени, и уже снаружи, на секунду замираю. Поднимаю голову, вдыхаю. Тёплый воздух заполняет грудь, губы сами растягиваются в улыбке.

Тёплый камень уходит под ноги, между плитами пробивается мягкая трава, по краям тянутся густые цветы, лепестки плотные, насыщенные, некоторые светятся изнутри. И когда пролетаю мимо, они откликаются, тянутся следом, пыльца поднимается в воздух, цепляется за кожу, за волосы, и улыбка появляется сама. Я не сбавляю, просто двигаюсь дальше, поворот сменяется другим, ветви над головой опускаются ниже, задевают плечи, скользят по рукам, листья шуршат легко. И всё вокруг ощущается живым.

Конюшня уже впереди, светлое дерево, открытые ворота, влетаю внутрь и сразу нахожу её взглядом.

— Искра...

Она откликается мгновенно, уши поднимаются, тихо фыркает. Ладонь ложится на шею, провожу по гриве, пальцы

скользят медленно.

— Привет, моя красавица...

Она трётся мордой о плечо, нетерпеливо перебирает ногами. Беру поводья, подтягиваю ближе, ставлю ногу в стремя и оказываюсь в седле.

Лёгкий толчок, и она срывается, копыта глухо бьют по земле, мы вылетаем наружу. Ветер сразу бьет в лицо, теплый, волосы уносит назад. Смех вырывается сам собой, я подаюсь вперед и сильнее сжимаю поводья.

— Быстрее! — голос срывается, пригибаюсь к тёплой шее.

— Давай, моя хорошая.

Она отвечает сразу. Ускоряется. Трава под копытами густая, идёт волнами. Мы несёмся через поле, свет цепляется за листья, траву, за её шкуру. Я не останавливаю её, веду дальше.

Граница леса подступает почти незаметно. Стволы деревьев начинают мелькать всё ближе, а свет между ними дробится на мелкие пятна. Воздух становится прохладнее. Листья шумят где-то высоко, мягко, почти шёпотом, а ветви проносятся совсем рядом, задевая плечи. Искра даже не замедляется на поворотах. Достаточно лёгкого движения, и она сразу всё понимает, не сбивается и чётко держит темп.

Впереди свет становится шире, плотнее, и через несколько ударов сердца мы вылетаем из леса. Край появляется резко, обрываясь вниз. Поводья тянутся на себя, она сбрасывает ход и замирает у самой линии.

Лес резко заканчивается, и впереди открывается море света. Боже... как красиво. Дыхание замирает на мгновение, затем вырывается вместе с тихим выдохом. Губы сами тянутся в улыбке, подаюьсь вперёд, сильнее прижимаюьсь к тёплой шее.

Внизу о скалы бьются волны, поднимается лёгкая пена, воздух здесь другой, свежий, вдыхаю глубже, не двигаясь, и просто смотрю, как линия тянется до самого горизонта, где вода уходит так далеко, что уже непонятно, где заканчивается море.

Искра шевелится подо мной, поводья чуть натягиваются.
— Ладно... назад.

Разворачиваю её и веду обратно, срезая через холмы. Трава здесь ниже, ветер снова поднимается, бьёт в лицо, и мы уходим дальше, пока впереди не вырастает скала.

В тени проступает вход в грот, сначала просто темнее среди камня, потом становится яснее. Свет изнутри мягкий, тянется наружу, и даже на расстоянии чувствуется, как он касается кожи, откликается.

В памяти поднимается ощущение воды, тёплой, почти густой, она обволакивает, и в этом ощущении есть больше, чем просто тепло. Поток в гроте чувствуется сразу, проходит глубже, возвращает силы слишком быстро, слишком полно.

Пальцы сильнее сжимают поводья.

— Не сейчас.

Искра тихо фыркает. Я разворачиваю её обратно, даю по-

вотда чутъ свободнее. Она идёт спокойно, дыхание у неё мягкое, тёплое, движение подо мной устойчивое, веду её по холмам, не торопясь, позволяя скорости уйти. Ветер уже не бьёт резко, только скользит по коже. Трава шуршит под копытами, постепенно всё успокаивается.

Вдруг подо мной всё резко меняется. Мышцы под её шкурой каменеют, корпус уходит вперёд, и она срывается. Поводья сразу тянутся на себя. Пытаюсь остановить, переломить это движение, но она не откликается. Только уходит быстрее. Шаг ломается в галоп. Копыта глухо бьют по земле, ритм нарастает. И вместе с ним улетает контроль. Всё подо мной становится чужим. Воздух в лёгкие входит рывками. Внутри резко становится тяжело. Ещё немного — и я её не удержу. По спине проходит резкий холод.

— Искра, стой!

И когда поднимаю взгляд туда, куда её несёт, сердце пропускает удар. Впереди не просто тень. Там — тёмный лес. Я узнаю его сразу. Путь теней... Горло перехватывает. Искра несётся прямо туда.

— Искра... — срываюсь на крик, пальцы врезаются в поводья, тяну её назад, но она только ускоряется.

Голос срывается вместе с дыханием. Руки тянут почти на себя, но это не работает, и когда граница накрывает, это ощущается как удар. Свет гаснет сразу. Воздух становится плотным. Холод ложится на кожу. Пространство сжимается, давит, не даёт вдохнуть глубоко.

Мы влетаем внутрь, под копытами остаётся только узкая тропа. Она тянется вперёд, ровная, как будто вырезанная в этом месте, по сторонам всё расплывается в движении. Я поворачиваюсь на ходу и вижу, как эта живая муть шевелится.

Тени держатся рядом, ближе, чем должны быть, и это уже не просто страх. Пальцы цепляются за поводья, как за последнее, что ещё под контролем. Я слишком ясно понимаю — здесь нельзя ошибиться.

Я наваливаюсь назад и со всей силы дергаю поводья на себя. Мышцы рук мгновенно сводит судорогой. Лошадь теряет ритм, сбивается с шага и резко, с маху, втыкается копытами в землю, едва не заваливаясь набок. Она тяжело дышит, всё тело подрагивает от напряжения.

Спрыгиваю на землю и сразу иду к ней. Кладу ладонь на горячую шею, медленно веду вниз и держу, пытаюсь успокоить и заставить дышать ровнее.

— Тихо... спокойно...

Она дёргает головой. Уши прижаты. Всё в ней дрожит. Постепенно дрожь становится слабее. Дыхание выравнивается. Я уже думаю, что всё закончилось.

Лошадь под моими пальцами резко подбирается всем телом. В следующую секунду она с маху встает на дыбы. Рывок вверх идет так стремительно, что я даже не успеваю сообразить, что делать. Пальцы соскальзывают с шеи, равновесие теряется в один миг. Я лечу вниз и со всего размаху бьюсь спиной о землю.

Она срывается с места в тот же момент. Копыта глухо бьют по тропе, звук уходит вперёд, и через секунду её уже не видно.

Я упираюсь ладонями в землю и силой заставляю себя подняться на ноги. После удара всё тело ведет в сторону, а в голове мутится, но я упрямо выпрямляюсь. Холод пробирается под кожу и остаётся там, тянет плечи вниз, заставляет сжаться, платье липнет к ногам и мешает двигаться. Вместе с этим накрывает тревога, усиливается в тот момент, когда боковым зрением ловлю движение по краям тропы и сразу понимаю — это не свет и не тени. Они там. Чем дольше держу их в поле зрения, тем отчётливее становятся их тела, вытянутые, сломанные, как если бы их пытались удержать в форме и не смогли, лица провалены, без черт, тёмные пустоты вместо глаз. По телу проходит холод, липкий, тянется вдоль спины. Они двигаются, скользят ближе. Вместе с ними приходит тихий скребущий звук. Он будто раздаётся прямо в голове.

Немезы... бывшие люди... те, кто не удержал Поток, выжёт себя до конца. Потерял разум, осталась только сила, агрессия, и сам мир будто запер их здесь.

Я упрямо держусь за эту узкую линию под ногами, буквально вцепившись взглядом в тропу. Главное — стоять на месте. Пока я на ней, я жива. Это единственная мысль, которая сейчас удерживает меня от паники и не дает сорваться в безумный бег куда глаза глядят, лишь бы только не чувство-

вать их присутствия за спиной.

Успокойся... не смотри по сторонам... они не выходят на тропу... тропа, как и все острова, связана с Потокom... они его боятся.

Я глубоко втягиваю воздух, заставляя себя замереть, и в этот момент в памяти оживает голос брата.

В Пути Теней нельзя терять голову... держись Потока... он выведет... здесь время ломается... по тропе можно пройти туда, куда по морю долго... если удержишь себя... если не дашь страху тебя разорвать... Поток выведет тебя на твой остров...

На секунду прикрываю глаза. Под кожей сразу отзывается тепло — сначала слабое, потом сильнее, по запястьям, по пальцам проходит свет, тонкий, живой. Он не вспыхивает, а разгорается, тянется вперёд. Открываю глаза и уже вижу, как руки светятся ярче, по коже идут тонкие линии, свет тянется вперёд, и я просто иду за ним.

Иду за этим светом, удерживаю Поток и не позволяя себе смотреть по сторонам. И в этот момент замечаю, как одна из Немез подходит к самой границе тропы. Нет они не выходят, не должны... Но она не останавливается. Двигается дальше. Переступает границу и медленно поднимается над землёй, зависая в воздухе прямо над тропой. Серое тело зависает прямо над тропой. Вытянутые конечности дёргаются в неестественных движениях. Меня резко прошибает страхом.

Это невозможно...

Я отступаю и срываюсь на крик, уже не контролируя го-

лос. Поток срывается, свет на руках гаснет. Я резко разворачиваюсь и бегу. Ноги путаются в длинном подоле, я то и дело сбиваюсь с шага и едва не лечу носом в землю, но упрямо несусь вперед без оглядки. За спиной уже слышно движение, не одно — их больше, и этот звук становится ближе, тянется за мной, почти касается.

Нет... этого не может быть...

Поворачиваю голову и вижу, как одна из них почти касается. Я резко останавливаюсь, поднимаю руки. Поток откликается сразу, не как слабое тепло, а как вспышка под кожей, свет собирается в ладонях, уплотняется, становится тяжёлым, горячим. Удерживаю его долю секунды, чувствую, как он стягивается в точку, как всё внутри сходится в один импульс. И я отпускаю.

Свет вырывается вперёд, бьёт прямо в неё. Я вижу, как её ведёт, как ломается форма, как её рвёт изнутри. Движение сбивается. И этой секунды хватает.

Разворачиваюсь и бегу дальше, уже не думаю, не считаю шаги, останавливаться нельзя. Впереди начинает проступать свет, сначала почти незаметный, но он другой, не как здесь.

Бегу, уже на пределе. Дыхание не держится, ноги подкашиваются. За спиной всё ещё слышно движение — они не отстают. Не оборачиваюсь, не даю себе даже мысли об этом. Только вперёд. Только туда, где становится светлее.

Свет впереди резко бьёт в глаза. Я вылетаю наружу, падаю на колени, ладони в землю, тело не слушается, но вместе с

воздухом приходит тёплая, почти оглушающая волна свободы. Я смотрю на свои руки, в земле, грязные, дрожащие, и улыбаюсь, потому что выбралась, живая, и поднимаю голову.

Шок накрывает сразу, гасит ту лёгкость, что была секунду назад. Паника поднимается так быстро, что я перестаю нормально думать. Я смотрю перед собой, не в силах оторваться.

Над головой висит тяжёлое тёмное небо без единого про света, давят сверху, неподвижные, чужие.

Я со всей силы впиваюсь пальцами в землю, судорожно пытаюсь нащупать Поток и поймать хотя бы слабое, привычное тепло. Но внутри пусто — никакого отклика, вокруг стоит только глухая, чужая тишина.

— Нет... нет...

Голос выходит тише, ломается на выдохе, руки дрожат сильнее. Я снова давлю в землю, вжимаю пальцы, пытаюсь дотянуться до того, что всегда было там, но она не отвечает.

Слёзы выступают сразу, катятся по щекам, я не успеваю их остановить. Дыхание ломается, переходит в короткие вдохи, в которых не хватает воздуха.

— Что я наделала... что я наделала...

Голос дрожит, слова путаются. Снова вжимаю руки в землю, как будто это может удержать, не дать этому стать реальностью, но ничего не меняется.

— Это не мой остров...

Слова выходят тише, почти шёпотом, и от этого становится только хуже, потому что теперь это звучит по-настоящему.

му.

— Я нарушила соглашение нашего мира!

Глава 2

Смотрю на свои руки, на землю под ними, на грязь, въевшуюся под ногти. Она пахнет застарелым железом и гнилью. Холод после падения всё ещё держится в теле, но теперь он не бьёт дрожью, а глухо приглушает всё.

Пальцы чуть подрагивают, в них застряло онемение, а где-то глубже поднимается колючая паника. Она не парализует, заставляет сердце биться быстрее и возвращает к тем тварям, что остались позади. В горле пересохло, сглатывать больно, будто там застрял комок сухой шерсти.

Спокойно, Алария... тут никого нет... нужно выбраться, пока меня не заметили.

Втягиваю воздух глубже, через силу. Он кислый и обжигает легкие. Заставляя себя дышать ровнее и поднимаю взгляд. Небо не меняется, остаётся тяжёлым и чужим, и в этот раз я не отворачиваюсь.

— Некгар... — собственный голос кажется надтреснутым.

Из всех островов меня выбросило именно сюда...

Некгарцы опасны и жестоки, о них не говорят спокойно, о них говорят шёпотом. Я на их земле, и это уже не ошибка, а причина, которой им хватит.

Поднимаюсь на ноги. Тонкая кожа туфель, бесполезная роскошь для этого места, тут же пропускает холод земли. Я

оборачиваюсь назад, и сразу цепляюсь за границу Пути Теней, за то место, откуда вылетела.

Тени вышли на тропу, и этого не должно было быть. Раньше они оставались за границей, не пересекали её, но я видела это своими глазами. В затылке начинает пульсировать тупая боль, и если они двинулись за мной, возвращаться туда сейчас опасно.

Я знаю, что происходит, когда они касаются. Поток и жизнь вытягивают до последнего, не оставляя ничего.

Трава гуще, давит к земле, цвета глохнут, и от этого сразу становится не по себе. Вокруг уже не растения, а что-то другое. Плотные грибы с тусклым свечением, переплетённые лианы, и в этом нет ни капли тепла. Только холодный, чужой свет.

Мне нужно спрятаться и переждать, пока Немезы остаются у входа, пока не ушли глубже, пока меня не увидели. Я кусаю губу до крови, чтобы заставить себя двигаться, чувствуя на языке солоноватый привкус. А потом попытаться вернуться и найти дорогу обратно в Асфир.

Впереди проступают густые кусты, переплетённые лианами. В голове вспыхивает мысль: «Да, это подойдёт. Здесь я смогу исчезнуть». Они дают хоть какое-то укрытие. Я не раздумываю больше ни секунды и срываюсь туда.

Я уже почти достигаю этих кустов. Вижу, как лианы сплетаются всё плотнее, тянутся к самой земле, образуя тёмное укрытие, идеальное место, куда можно нырнуть и мгновенно

но исчезнуть из вида. Но в тот самый миг, когда спасение кажется близким, под ногами проходит дрожь. Сначала она едва заметная, почти призрачная, но пугающе быстро усиливается, наливаясь тяжестью.

Вместе с ней приходит звук. Он накатывает низким, утробным гулом прямо через почву, проходит сквозь всё тело и сбивает шаг. С каждым ударом сердца становится ясно: это не одиночное движение. Их много. И они приближаются.

Шаг замедляется, и в этот момент гул переходит в дробный, захлебывающийся топот, который отдаётся уже не только в земле, но и в груди. Я поворачиваю голову, не успевая добежать до укрытия.

По земле несутся массивные звери. Их тела уродливо перекошены, с провисшими спинами и клочковатой шерстью, в которой запеклась грязь и что-то ещё более тёмное. Короткие широкие лапы вбиваются в почву с влажным шлепком, который тут же переходит в тяжёлый хруст веток. К этому шуму примешивается сиплое, рваное дыхание. Они дышат со свистом, будто легким тесно в их деформированных телах.

Этот звук буквально скользит по коже, вызывая такой ужас, что пальцы сами впиваются в губы. Ладонь намертво закрывает рот. В ушах звенит от собственного затаенного выдоха, крик поднимается мгновенно, уже рвётся наружу, и только эта хватка не даёт ему вырваться.

Морды у них вытянутые, приоткрытые пасти сочатся гу-

стой слюной. Кривые зубы налегают друг на друга в уродливом оскале, издавая мерзкий, скрежещущий звук, когда челюсти смыкаются впустую. От одного вида этих тварей хочется зажмуриться. И тут я замечаю самое страшное. На их спинах сидят люди.

Некгарцы...

Они держатся на этих тварях уверенно, будто под ними не уродливые звери. Глаза сами поднимаются выше, цепляются за их руки, за кожу. Под ней тянутся тёмные линии. Поток у них совсем другой, в нём нет ни капли света, он почти чёрный, пролегает под кожей, словно живая трещина.

Тот, кто едет первым, выделяется сразу. Не из-за резких движений, а из-за того, как сидит в седле, как смотрит перед собой. Его рукава засучены, открывая руки, и там эти тёмные прожилки видны особенно чётко, они ядовитыми нитями уходят вверх.

Я поднимаю глаза выше и замираю на его лице. В его глазах нет того света, к которому я привыкла, в них тянется та же беспросветная тьма. Когда он смотрит прямо на меня, это сковывает, не даёт ни вдохнуть, ни отвернуться, тело просто перестаёт подчиняться.

Его внимание медленно скользит ниже, по моему лицу, по всему телу. Он не спешит, и напряжение нарастает от жуткого понимания, он видит всё. Затем его взгляд возвращается к моим глазам, и вот тогда это появляется.

Оскал.

Хищный, в котором нет ни вопроса, ни тени сомнения, только ледяная уверенность и что-то такое, от чего становится ясно, ничего хорошего теперь не будет. Пальцы сильнее прижимаются к губам, дыхание окончательно теряется. Не получается сделать ни вдоха, ни шага, а в голове не остаётся ни одной связной мысли.

Тяжёлые звери сбавляют ход, начиная обходить меня со всех сторон. Их широкие лапы глухо бьют по земле — этот звук теперь больше похож на удары мясницкого молота по сырой туше. Влажный шлепок окончательно смешивается с хрустом. Звук становится плотнее, он забивается в уши, мешая соображать, каждый шаг теперь слышен слишком близко. Пространство вокруг сжимается, закрывается, оставляя меня в самом центре.

Всадники смотрят на меня со всех сторон. Их взгляды скользят по телу, ощутимые, как прикосновение слизи, от них хочется закрыться, хоть как-то исчезнуть под этим вниманием. Плечи невольно уходят вперёд, руки прижимаются к себе, пальцы до боли впиваются в собственные предплечья, но это ничего не меняет. Они продолжают смотреть.

От всадников и их зверей несет едким, звериным потом и горелым маслом, этот запах щекочет нос, вызывая тошноту. Я замираю, боясь даже моргнуть, чтобы не спровоцировать этот капкан.

Но его взгляд другой. Он давит всей своей тяжестью, не давая ни отвести глаз, ни пошевелиться. В этом нет спешки,

только холодная уверенность.

Зверь под ним останавливается первым. Массивное тело замирает, издавая утробный, похожий на клочкотание кипятка звук. Остальные тоже замедляются, держатся на расстоянии, не приближаясь дальше, и это сразу выстраивается в порядок, в котором он главный.

— Наследница Асфира...

Голос проходит по коже ледяной крошкой. То, как он выплёвывает эти слова, с ленивой уверенностью, не оставляет сомнений. Это не догадка.

— Какой сюрприз.

Тяжесть накрывает с новой силой. Она уходит глубже, за пределы моего страха, туда, где остался дом, Асфир и он. В это мгновение всё перестаёт быть личным. Дело уже не во мне, а в том, что они знают, кто именно перед ними. Вместе с этим приходит ледяное понимание, на что я обрекла свой народ, нарушив Соглашение.

Он не торопится. Ещё секунду удерживает взгляд, а потом соскальзывает вниз со спины этого монстра. Тяжёлое тело под ним дёргается, лапы с глухим шлепком переставляются по земле, и он идёт ко мне уверенно.

Отступаю на шаг, почти незаметно, но пространства не хватает. Круг остаётся замкнутым, и с каждым его шагом между нами не остаётся расстояния, за которое можно спрятаться.

Горло сжимается, губы остаются приоткрытыми, но ни

звука, ни вдоха, только это застывшее состояние, в котором любое движение кажется ошибкой.

— Добро пожаловать в Некгар...

Дрожь, которую я пыталась сдержать, теперь пробивается изнутри, неконтролируемая и острая, стоит только звуку его речи коснуться меня.

— Наследница Асфира на нашей земле. Это будет интересно...

Со всех сторон раздаётся смех, тянущийся, он обволакивает, давит. Пальцы прижимаются к губам, лишь бы не сорваться.

— Ты нарушила закон. Теперь будут последствия.

Поднимается отчаянное желание сказать хоть что-то, объяснить. Я не специально... Это случайно... Я не хотела...

Мысли сбиваются, накатывают одна за другой, но ни одна не выходит наружу, говорить здесь бессмысленно.

Он двигается раньше, чем получается отреагировать. Пальцы сжимаются выше запястья, тянут на себя, тело поддаётся этому рывку, шаг сбивается, но я сразу рвусь обратно, дёргаю руку, вкладываю в это всё, что есть, и на секунду это срабатывает. Хватка ослабевает, я вырываюсь, отступаю.

Расстояние между нами снова есть, но его недостаточно. Позади Путь Теней, слишком близко, чтобы не попытаться предупредить брата.

Я резко вскидываю руки. Поток вспыхивает мгновенно, густеет, стягивается между ладонями в вибрирующий сгу-

сток. Я вливаю в него всё своё отчаяние, сжимаю до предела и в следующее мгновение выбрасываю вперёд.

Его рука поднимается легко. Ладонь раскрывается навстречу, и из неё выходит тьма, живая. Она не сталкивается с моим светом, а поглощает его, втягивает в себя, и за долю секунды от него не остаётся ничего.

Он опускает руку чуть ниже, ладони остаются перед ним, едва выдвинутые вперёд. В этот момент меняется всё. Тьма под его кожей становится плотнее, поднимается к запястьям, выше, к плечам. Глаза темнеют, в них появляется тот же оттенок, что и в этих прожилках.

Из его рук тянется тёмный поток, как густой дым. Он вытягивается вперёд и касается меня.

Тело сразу отзывается. Оно перестаёт быть моим. Движение пропадает: ни шага, ни рывка, ни даже попытки. Пальцы застывают, вдох застревает в горле и не опускается в лёгкие. Я чувствую, как в этой мертвой тишине только бешено колотится пульс в висках — единственное, что ещё подает признаки жизни.

В этот миг накрывает холодная пустота и бессилие. Собственное тело кажется пустой оболочкой, набитой песком, потому что я не понимаю, что именно он сделал.

Он подходит ближе, останавливается, и в уголках губ появляется тень насмешки.

— Ты правда решила, что сможешь от нас сбежать? — в его тёмных глазах нет злости, только ледяная уверенность,

что мне не уйти.

Вокруг снова поднимается смех, всадники переглядываются, и этот звук прокатывается по кругу.

Его руки опускаются вдоль тела, ладони чуть разворачиваются вперёд. Я вижу, как этот тёмный дым возвращается, втягивается обратно, исчезает в нём. В ту же секунду тело отпускает.

Пальцы дёргаются первыми, по жилам проносится колючая, горячая волна, от которой сводит мышцы. Грудь вздымается слишком быстро, жадно заглатывая воздух, будто я едва не захлебнулась в этой пустоте. В голове на мгновение вспыхивает резкая боль, и я невольно пошатываюсь, пытаюсь снова почувствовать опору под ногами.

— Шаг в сторону... и ты пожалеешь об этом.

Я смотрю на него и понимаю, что вырваться сейчас не получится, но если усыпить их бдительность, не сопротивляться, не провоцировать, может появиться шанс, и за эту мысль я цепляюсь сразу.

— Ты идёшь с нами! — говорит он. Я молчу, слова застревают в горле, лишь едва заметно киваю. Он подходит вплотную, пальцы стальным кольцом сжимаются на запястье. Кожа к коже — его хватка сухая и такая сильная, что немеют пальцы. Он разворачивает меня и толкает к зверю. С каждым шагом тварь кажется всё более омерзительной: массивное тулово, свалявшаяся шерсть, от которой несёт чем-то сырым, затхлым и пугающе чужим. От шкуры зверя исходит

тяжелый, приторный дух прелой травы и застоявшейся крови. «Только не это какой он мерзкий», — пульсирует в голове.

Он останавливается, поворачивается ко мне, и всё происходит слишком быстро. Его рука ложится на мою талию, и рывком скидывает меня вверх.

Тело невольно подчиняется, нога перекидывается через хребет зверя, и вот я уже на нём. Слишком высоко. Слишком близко к этой шкуре, от которой исходит тяжёлый, липкий запах. Сердце колотится где-то в самом горле.

Секунда, и он уже за моей спиной. Его руки проходят вперёд, по обе стороны от меня, перехватывая ремни. Это движение почти обхватывает меня, замыкает пространство в ловушку, не оставляя между нами почти ни глотка воздуха.

Зверь под нами дёргается и в следующий момент срывается с места. Тяжёлое тело резко уходит вперёд, меня почти выбрасывает из равновесия, приходится вцепиться, удержаться. Скорость приходит сразу, без разгона, и всё вокруг смазывается в одно непрерывное движение.

Каждый удар лап проходит через тело, сидеть на нём невозможно спокойно, всё трясёт. Единственное, за что можно держаться, это ремни впереди, но даже до них дотянуться сложно. Его руки уже там, по обе стороны от меня, удерживают, замыкают пространство.

Оказываюсь внутри этого кольца, между его руками, слишком близко к нему. Чувствую его движение за спиной,

его дыхание ложится выше, ближе к затылку, оно колет кожу, заставляя мелких мурашек рассыпаться по шее. Плечи невольно напрягаются, поднимаясь к самым ушам. Тело пытается уйти вперёд, вырваться из этого, но расстояния нет. Я почти чувствую грубый материал его одежды своей спиной, и эта близость пугает сильнее, чем само пленение.

Усмешка проходит где-то рядом, почти у самого уха. В следующий момент одна его рука уходит с ремней, скользит ниже и резко обхватывает меня за талию, притягивая к себе сильнее.

Дёргаюсь, пытаюсь освободиться, но хватка только усиливается. Пальцы врезаются, не давая даже сантиметра свободы. Он наклоняется ближе, его тело смещается вперёд.

— Не дёргайся, светлая, — говорит он тихо, почти вплотную, и это звучит как приказ.

Сжимаю зубы, глотаю всё, заставляю себя не дёргаться, не давать ни одной лишней реакции. Собираю себя по частям, гашу эту резкость в теле, опускаю плечи, насколько это вообще возможно, и удерживаю одну мысль, чёрт с ним, пока я играю по его правилам, пусть думает, что я подчинилась, пусть расслабится, мне нужен момент, хоть один.

Отпускаю напряжение и сама чуть подаюсь назад, облакачиваясь на него ровно настолько, чтобы это выглядело как уступка, а не слабость.

Зверь несётся быстро, лес вокруг сливается в тёмные полосы, стволы пролетают мимо, местами пространство разры-

вається, открываються поляны, под тем же низким небом с редким светом, и всё вокруг остаётся глухим.

Собираю силы, выравниваю дыхание, и когда слова наконец складываются, я выталкиваю их вперёд, не оборачиваясь.

— Куда вы меня везёте?

Его рука, которая держала меня за талию, поднимается выше. Пальцы проходят к лицу, сухие и горячие, почти обжигают, и убирают прядь волос с щеки, открывая шею. Этот мимолётный контакт проходит по коже, и по телу расходится новая волна оцепенения, от которой во рту становится сухо.

— В самое сердце Некгара, — говорит он, почти вплотную.

Я понимаю, что он говорит о городе и что меня там ждёт. Мысль о побеге возвращается сразу, если есть шанс, его нужно использовать до того, как мы туда доберёмся.

— Кто ты такой? — слова выходят глухими, будто я произношу их под водой. В этом вопросе только горькое желание знать имя того, кто ведёт меня на плаху.

— Азар.

Имя остаётся пустым, не даёт ничего, ни положения, ни понимания, и продолжать расспрашивать не тянет. Это уже не имеет значения. До города я добираться не собираюсь.

Время тянется, сбивается в одну бесконечную тряску. Зверь под нами не сбавляет ход; от долгой езды уже ноет поясница, а пальцы затекли, мертвой хваткой вцепившись в гу-

стую шерсть. Лес сменяется полянами и снова уходит в темные стволы. По тому, как тяжело стало держать спину и как пересохло во рту, ясно — прошло много времени.

Небо темнеет, света почти нет. Наверное, уже вечер — в животе пусто, а тонкий ремешок туфли впился в кожу и нещадно натирает ногу. Днём здесь всё же пробивались хоть какие-то лучи, а сейчас сквозь эту темень вообще ничего не разобрать.

Впереди начинают проступать силуэты, сначала неясные, затем плотнее. Я различаю низкие постройки, две хижины, почти сливающиеся с землёй. Оборачиваюсь, достаточно, чтобы увидеть, как остальные всадники тянутся следом. Направление уже выбрано.

Зверь сбавляет ход и останавливается, тяжело переступая на месте. В следующую секунду он спрыгивает, поднимает голову и тянет руку вверх. Меня резко передёргивает от неприятия, но я гашу эту реакцию, напоминая, что сейчас важнее, и всё же протягиваю руку.

Он сжимает мои пальцы, по коже проходит дрожь, поднимается выше, до локтя. Глаза невольно опускаются вниз, на наши сцепленные руки, где светлый и тёмный поток соприкасаются. В этом есть что-то притягивающее, от чего волоски на руках встают дыбом.

Он тянет меня на себя. Я не успеваю удержаться, срываюсь вперёд, из груди вырывается короткий выдох. Тело летит прямо на него, но он ловит сразу. Прижимает к себе так

крепко, что ощущается твёрдость его грудной клетки сквозь ткань. Удерживает на секунду, сердце в этот миг испуганно бьётся в рёбра, и только потом опускает на землю. Пальцы разжимаются, оставляя после себя пульсирующее жжение на коже.

— На ночь остаёмся здесь, — говорит он, чуть поворачивая голову в сторону остальных, и это звучит как приказ для всех.

Он разворачивается и идёт к хижине. У самого входа останавливается и бросает на меня короткий взгляд через плечо.

— Идём.

По телу проходит дрожь, идти туда не хочется совсем, и мысли лезут сами, одна за другой, слишком чёткие, слишком живые, о том, что он может сделать там, что они могут сделать. Про Некгар всегда говорили одно, дикари, и вспоминается всё самое худшее, что когда-либо слышала о них.

Замираю на месте, шаг не даётся, но приходится заставлять себя двигаться, втягивать воздух глубже, собирать остатки контроля, удерживаясь за единственную мысль, которая не даёт сломаться, неважно, что он сделает, мне нужно выбраться, защитить Асфир, защитить брата любой ценой.

Я делаю шаг, потом ещё один и иду за ним. Он открывает дверь, останавливается, отступает в сторону, пропуская вперёд. Поднимаю на него глаза. Его взгляд темнеет. В нём нет ни намёка на сомнение.

Отворачиваюсь, смотрю внутрь хижины, в полумрак, где у

стены стоит кровать и грубый стол, больше ничего, ни укрытия, ни выхода.

Любой ценой... любой ценой. Повторяю это у себя в голове, собирая в себе силы, и переступаю порог.

Глава 3

Дверь за спиной захлопывается, звук врезается в тишину так, что меня передёргивает. Этот удар отдаётся где-то в затылке тупой болью. Я инстинктивно обхватываю себя руками за плечи, впиваясь пальцами в ткань платья, пытаюсь унять дрожь и как-то защититься от этого грохота, который всё ещё звенит в ушах.

Раздаётся звук шагов, неторопливый, с мягким трением по полу, и каждый этот звук заставляет внутренности сжаться в тугой узел. Сердце начинает колотиться где-то в горле, мешая вдохнуть. Я замираю, боясь даже обернуться. Кажется, если я сейчас шевельнусь, этот размеренный ритм шагов прервется чем-то резким и необратимым.

— Как тебя звать?

Его голос звучит почти у самой спины, расстояние между нами почти исчезает. От него идёт тепло, именно это пугает сильнее всего. В горле застревает сухой колючий ком, но приходится держать себя в руках. Голос должен звучать ровно, однако ответ всё равно выходит бесцветным и ломким, даже без попытки обернуться к нему.

— Раз ты догадался, что я наследница Асфира... ты не знаешь моего имени?

Его дыхание у самого уха — слишком тёплое, раздража-

ющее. В нос бьёт резкий запах, как от мокрого железа. Я застываю. Он стоит вплотную, и это давление в спине ощущается острее, чем если бы он меня ударил. Грубая ткань его одежды цепляется за моё платье, тянет нитки. Хочется отшатнуться, но я не двигаюсь. «Отойди...» — мысль липнет к зубам, но я молчу. Просто стою и злюсь на себя за эту ту-пость.

— Я увидел твой Поток... он слишком сильный для обычного человека, этого достаточно, чтобы понять, кто ты.

Втягиваю воздух, на секунду закрываю глаза и выталкиваю своё имя:

— Алария.

— Алария...

Слышать мое имя из его уст — это как ощущать чужие пальцы на открытой ране. Мерзко. И почему-то слишком... завораживающе? От этой мысли хочется выть.

Он встаёт передо мной, слишком близко, взгляд скользит по рукам, по телу, в котором нет тяжёлой массы, но есть эта сухая, жёсткая сила, читающаяся в каждом движении. Это не та красота, к которой я привыкла, в ней есть что-то опасное.

Его глаза как мутная вода. Темный дым в зрачках не рассеивается, оседает на дне густым осадком. Этот взгляд липкий, он почти физически не дает мне отвернуться. Против воли начинаю разглядывать его. Сначала шея, потом руки. Под кожей отчетливо бьются темные прожилки. Они складываются в живой, пульсирующий узор. Я смотрю на это и

не могу пошевелиться.

Никогда не представляла, как выглядят нектарцы... в Асфире всё другое... светлое... ровное... Он красив по-своему. Эта мысль вспыхивает слишком резко, оставляя во рту привкус чего-то запретного, почти ядовитого.

О чём ты думаешь, Алария... ты с ума сошла... Он демон... он сделает с тобой всё, что захочет... Но предательский жар уже успел мазнуть по скулам. Надеюсь, что в этом тусклом свете он не заметит моей минутной слабости. Это всё нервы... просто шок. Организм вымотан, вот и выдаёт сбой. Это не он, это страх так играет со мной, просто реакция тела. Ничего больше. Соберись!

Он отворачивается, подходит к очагу у стены. Опускается на колени и разжигает огонь. Пламя поднимается с натужным треском, свет ложится на стены рыжими пятнами.

Он привёл тебя сюда не просто так... Одна кровать. Он сказал, что вы останетесь здесь. Значит, он будет с тобой. Ты же знаешь, какие они... слышала... Хватит. Я оборвала этот голос прежде, чем он успел вогнать меня в панику. Перестать. Не думать. Только не сейчас. В ушах тяжело, в такт сердцу, застучала кровь, заглушая гул огня в камине.

Я даже не замечаю, когда он отходит, когда двигается по хижине, когда звук его шагов исчезает. Остаётся только это напряжение, в котором я застреваю.

— Алария, сядь!

Я дёргаюсь, будто меня вырывают из этого состояния рез-

ким ударом в грудь. Поворачиваю голову в сторону очага и только теперь вижу его. Он уже сидит за столом, тем самым, что стоял у стены. Перед ним разложена еда. Вяленое мясо, тёмное, плотное, что-то ещё, завернутое в ткань, простой запас, который берут с собой в дорогу. От еды пахнет солью, горьким дымом и чем-то пряным, непривычным для Асфира.

— Не бойся... я не кусаюсь.

Я на секунду зависаю, не понимая, он сейчас шутит или говорит серьёзно. Или мне это просто показалось... Откидывается на спинку стула, смотрит на меня спокойно, и в этом взгляде нет той тяжести, что была раньше.

— Я не монстр, Алария, каким ты уже успела меня сделать у себя в голове.

Этот человек не просто слышит слова, а буквально читает дрожь в моих руках и загнанный блеск в глазах. Это какая-то игра... Вариантов нет. Я всё же иду вперёд. Тело сводит от напряжения, но останавливаться поздно. Подхожу к столу. Стул под моим весом издает резкий, сухой скрип. Я медленно сажусь напротив него.

Он двигает тарелку ко мне. Стол глухо скрипит под весом его руки. Беру кусок мяса. Сейчас не до брезгливости. От еды прет гарью и какими-то резкими специями, в носу сразу начинает свербеть. Ем медленно. Мясо волокнистое, пересоленное, оно застревает в горле, которое всё еще сдавлено. Соль жжет трещину на губе. Я жую и тупо смотрю в одну

точку. Нужно просто запихнуть в себя эту тяжелую, прокопченную плоть, чтобы ноги не подкосились.

Голову не поднимаю. Смотрю на грубые доски стола, на свои пальцы. И все равно вижу каждое его движение. Тёмные линии под его кожей вылезают четче, они ползают вместе с мышцами. В голове только одно: кто он такой и что сделает со мной дальше.

Мне нужно знать, сколько еще до центра Некгара. Куда он меня тащит? Кому отдаст? Если не выйдет сбежать, надо хотя бы понимать, к чему готовиться.

— Что меня ждёт в Некгаре? — спрашиваю, поднимая голову, и сразу натыкаюсь на его глаза, тёмные, неподвижные, он всё это время не отрывался от меня, пока я ела и смотрела в стол.

— Это будет решать правитель, — отвечает он без спешки. — Ты сама понимаешь, ничего хорошего для Асфира из этого не выйдет. Ты нарушила Соглашение.

Я хмурюсь сильнее, а он продолжает, будто говорит о чём-то очевидном.

— Теперь, если Некгар решит потребовать что-то от Асфира... никто не вмешается. Потому что по законам мира виноваты вы!

— Я не хотела этого, — вырывается быстрее, чем я успеваю остановиться, — я не пыталась перейти границу, я заблудилась, меня просто выбросило сюда. Неужели из-за такой случайности вы готовы объявить войну?

— Алария ты сама знаешь, из-за чего начинаются войны. Ресурсы. Люди. Сила. Ваш остров — не просто территория. У вас Поток, который лечит, восстанавливает, даёт то, чего нет у других. Если бы не соглашение, вас бы уже давно попытались сломать.

— Ты так в этом уверен? Асфир не слабый остров, у нас есть чем ответить, — срывается с лёгкой, горькой усмешкой.

Все считают нас слабыми... только потому, что наш Поток не разрушает, не давит, не ломает... он создаёт, а не уничтожает.

— Именно поэтому вы и ценны, — говорит он, — поэтому Некгару есть выгода в вашем острове. А что решит правитель... этого я не знаю.

— А что будет со мной? — спрашиваю, сжимая пальцы сильнее и уже заранее боясь его ответа.

— На это у меня тоже нет ответа.

— Кто ты такой?

— Командир отряда Некгара.

Тёмные линии под его кожей притягивают сами, тянутся вверх по рукам, уходят к шее. Я была уверена, что он один из наследников, иначе откуда такая сила. В нашем мире это видно сразу, чем ближе к правящей семье, тем сильнее Поток, тем ярче он проявляется. У него он не скрыт, не приглушён, он читается в каждом движении.

Значит, это не предел, значит, есть кто-то выше. Если он не из правящей семьи, то что тогда решит их правитель, и

сколько силы там на самом деле.

Его слова не выходят из головы. Ресурсы, люди... Асфир всегда был целью. Нас держало только соглашение, принятое много лет назад, когда острова без конца рвали друг друга. Пока правители не решили это прекратить. Тогда ввели одно правило: никто не заходит на чужую землю без приглашения. Тот, кто нарушит — остается один. Без союзников. Без защиты.

Я нарушила.

Губы сами тянутся в короткую, пустую усмешку. Всё складывается слишком чётко, им даже не пришлось ничего делать, я сама развязала им руки. И это уже не изменить, решение их правителя обернётся для Асфира худшим, что только может быть. Мне нужно выбраться, предупредить брата, успеть раньше, чем они доберутся до острова.

Оглядываюсь по сторонам, оцениваю хижину, расстояние до двери, всё, что может дать хоть малейший шанс. Мысль постепенно собирается в одно решение, ночью попробовать сбежать, добраться первой, предупредить, чтобы Асфир был готов встретить их. Но как это сделать...

— Даже не думай о побеге. Ты не сможешь от меня сбежать.

— Тебе не жаль людей Асфира? Тебе правда всё равно, что с ними будет? Я понимаю правителя, понимаю, почему он может так решить — из-за ресурсов, из-за силы, но ты ты... бы хотел, чтобы на твой город кто-то напал, чтобы уми-

рали твои люди, твои близкие... чтобы всё, что у тебя есть, просто уничтожили?

Слова звучат жалко. Я это понимаю. Мне плевать, что он подумает и как это выглядит. Решит, что я умоляю или пытаюсь переубедить — пусть. Вариантов не осталось. Если есть хоть малейший шанс его зацепить, заставить притормозить — я буду за него держаться. Даже если со стороны это кажется слабостью. Даже если это бессмысленно.

— Неужели вы настолько жестоки, что вам не жаль... людей?

Смотрю в упор, до боли вглядываюсь в его лицо. Странно, но этот липкий ужас, который до этого буквально вжимал меня в землю, вдруг отступил. Вместо него в груди начала ворочаться злая, горячая тяжесть. То ли дело в его спокойном тоне, то ли в этой невыносимой, какой-то будничной вежливости... Не знаю. Но от того, как мирно он со мной разговаривает, во мне что-то окончательно лопнуло. Страх просто сгорел, а на его месте осталась только эта бешеная, отчаянная злость.

Пауза тянется, и по тому, как он смотрит, становится ясно, ни одно моё слово не задело его, не заставило усомниться.

— Завтра ты услышишь решение правителя, — говорит он, — как только мы доберёмся до центра Некгара...

Да что же они все за люди такие, почему нельзя просто жить спокойно, без этого постоянного желания забрать, отнять, доказать силу. Почему всё держится на страхе и выго-

де, на соглашениях, которые стоят ровно до первого нарушения, и почему выбор всегда сводится к одному и тому же.

— Ложись спать, — говорит он, не повышая голоса, — выдвигаемся рано.

Кровать у стены одна, мысль о том, что другого варианта здесь нет, давит сразу.

Он усмехается, уже поняв, о чём я думаю.

— Не волнуйся, я лягу на полу.

К этому я не была готова. Я ждала боли, насилия, всего самого худшего, а вместо этого он просто накормил меня и сказал, что ляжет на полу. Даже не воспользовавшись ситуацией. Я ложусь, не сводя с него глаз, слежу, как он достаёт из угла ткань, разворачивает её на полу и устраивается там.

Сон не приходит, сколько бы ни закрывались глаза, тело лежит неподвижно, но это лишь видимость, внутри слишком много мыслей, чтобы отключиться. Всё снова и снова возвращается к одному, к двери, к расстоянию до неё, к тому, как выбраться, поймать момент, когда он уснёт.

Очаг догорает, брёвна тихо трескаются, свет становится мягче. Каждый раз, когда веки приподнимаются или тело едва шевелится, он уже открывает глаза, смотрит, слышит каждое движение и не даёт ни одного шанса. Почему он не спит, почему слышит каждое движение, даже самое лёгкое, едва заметное, стоит только чуть сдвинуться, и он уже реагирует. Неужели он так и будет следить всю ночь, не давая ни одного момента. Мысли о побеге снова упираются в одно и то же

— в него.

Тело начинает сдавать. Усталость за день накрывает сильнее, веки тяжелеют, мысли путаются, и в какой-то момент сопротивляться уже не получается.

Голос Азара вырывает меня из сна так резко, что в висках начинает нудно стучать. Приходится подниматься сразу. Тело кажется чужим, налитым свинцом, и остатки усталости тянутся в каждой мышце, я словно и не спала вовсе. Выбора нет. Еда снова передо мной — холодная, безвкусная, как мокрый картон, — но я ем, через силу заталкивая в себя каждый кусок.

Мы снова оказываемся на этих тварях. Зверь под нами резко уходит вперёд, остальные следом. Я снова в кольце его рук, которые удерживают меня по обе стороны, а потом одна рука опять ложится на талию, притягивает ближе.

Удивительно, но в этот раз я не каменею. Тело больше не взрывается паникой, оно просто отмечает этот контакт как что-то привычное, почти скучное. Я даже не пытаюсь отстраниться. Просто сижу, глядя на мелькающие мимо кусты, и чувствую его тепло спиной, как что-то совершенно обыденное. Мои плечи больше не жмутся к ушам, и в этой новой тишине внутри я ловлю себя на мысли, что теперь могу рассмотреть дорогу, а не только свои дрожащие пальцы.

Деревья тянутся выше, плотные, тёмные, сквозь листву местами пробивается свет, ложится холодными оттенками, уходит в фиолетовый, касается земли, травы, странных цве-

тов, которые не похожи на привычные. В этом есть что-то чужое, но завораживающее. Всё вокруг уже не кажется мёртвым, просто другим, со своей красотой, которую не хочется признавать, но не замечать не получается.

— Что это за зверь?

— Бурут.

— Он выглядит... ужасающе.

— Эти звери намного миролюбивее, чем те, кто на них ездит.

Я молчу. Он сидит сзади, не делает лишних движений и не лезет ко мне. Из-за этого тело само начинает отпускать. Я перестаю ждать удара.

Зверь под нами несётся дальше, не сбавляя хода. Расстояние до города тает, а вместе с ним уходит и время, остаётся всё меньше до того момента, когда придётся стоять перед их правителем и услышать его решение, чем ближе этот момент, тем яснее становится, что вариантов почти нет. Я уже не имею для них ценности, соглашение нарушено, повод есть.

Плечи невольно каменеют, пальцы впиваются в ладони, а дыхание становится рваным и громким. Слишком ясно, что со мной могут сделать всё что угодно. И этот страх уже давно перестал быть только моим — он расползается дальше, к Асфиру, к брату, ко всем, кто остался там.

Рывки подо мной остаются тяжёлыми, но его руки становятся крепче, притягивают ближе. Голос звучит прямо у уха,

мягче, чем раньше.

— Тебе холодно?

Так неожиданно, что я спотыкаюсь на полувздохе. На секунду всё перекалинивает. Этот мягкий тон никак не вяжется с тем, кто везёт меня в плен. Я замираю, глядя в пустоту перед собой. Нелепое желание оправдаться или спрятаться исчезает. Отвечаю сразу, без фильтров. Сил на ложь или маски просто не осталось.

— Нет... мне страшно.

Он не отвечает, только короткий выдох за спиной. Слов здесь не будет. Он не может забрать этот страх и не может изменить то, что ждёт впереди.

Руки снова сжимаются крепче, в этом есть что-то, почти неуловимое, поддержка. Неужели он правда пытается удерживать меня не только физически, а как-то дать силы, не дать сломаться.

Впереди постепенно меняется линия горизонта, сперва появляются тёмные формы на фоне неба, острые, вытянутые вверх. Затем они становятся чётче, выше, уже можно различить очертания башен, узких, уходящих в небо. Между которыми мелькают огни, как дыхание чего-то живого внизу.

Некгар.

Теперь это уже не просто город, это место, откуда, возможно, я уже не выберусь никогда.

Глава 4

Буруты переходят на тяжёлый, размеренный ход. Всё вокруг собирается в цельную картину, не обрывками, как с высоты, а прямо перед глазами. Некгар ощущается иначе, не как далёкая угроза, а как живое место со своим ритмом, в котором всё кажется выстроенным, привычным для тех, кто здесь живёт.

Дома поднимаются по обе стороны, тёмные, с узкими окнами, из которых льётся мягкий свет. Улицы уходят вперёд, по ним двигаются люди. В их движениях нет суеты, и стоит нам появиться, как это меняется, внимание сразу собирается на мне. Они оборачиваются, и это ощущается физически, с неммым вопросом, который висит в воздухе, кто-то подходит ближе. В этом не просто интерес, в этом удивление, потому что я для них чужая, слишком заметная.

Как только внимание смещается на Азара, люди отступают, освобождая дорогу. Это происходит без слов, и становится ясно, какое место он здесь занимает.

Свет в городе странный, он уходит в холодные оттенки, переливается фиолетовым, ложится на камень, на стены, делает всё вокруг немного нереальным.

Мы продвигаемся дальше. Впереди поднимаются стены — массивные, почти чёрные. Тяжёлые ворота раскрывают-

ся, пропуская нас внутрь. За ними пространство становится шире, шум улиц глохнет. Отсюда уже виден дворец. Он стоит отдельно, выше всех строений. Острые линии и шпили уходят в небо. Это здание давит одним своим присутствием. Оно забирает всё внимание.

Буруты проходят, движение замирает. Азар спрыгивает и помогает мне слезть, как только ноги касаются земли, приходит ощущение — я здесь, внутри Некгара, и пути назад больше нет.

Дворец тянет к себе, давит одним своим видом. В груди становится тесно, но я не даю страху взять верх. Не позволяю себе сломаться. Выпрямляюсь, заставляю себя собраться. В этот момент ладонь ложится на спину, толкая вперёд.

— Не делай глупостей... так будет проще.

Замираю на долю секунды, в его голосе нет привычного давления. Это сбивает сильнее любого приказа.

Мы идём к дворцу. Чем ближе он, тем сильнее наваливается эта громадина. У входа застыла стража. Тёмные линии на коже уходят под воротники — кажется, там, в тени одежды, они становятся гуще. Внимание охраны липнет ко мне, оценивает. Но я не замедляю шаг. Держу голову прямо.

Азар следит за каждым моим движением. Я чувствую, как он сканирует мою походку. Он видит, что я не сдаюсь, иду с прямой спиной и поднятой головой.

Стража расступается, открывая путь. Холл высокий, тёмный, с холодным оттенком, в который вплетается мягкий фи-

олетовый свет. Он ложится на камень, на пол, и всё вокруг выглядит строгим, но в этой строгости есть своя красота.

Ладонь касается спины, направляя дальше. Впереди вытягивается коридор, высокий, уходящий вглубь. В конце уже видны массивные двери, тёмные, с глубокими линиями, вытянутыми вверх, словно вырезанными в камне. Перед ними стоит стража, которая склоняет головы перед Азаром.

— Правитель уже ждёт.

Двери начинают открываться, медленно расходясь в стороны. Я выпрямляясь ещё сильнее, поднимая голову выше. Впереди огромный зал, тёмный камень, колонны, уходящие вверх, холодный свет. На возвышении сидит мужчина, широкие плечи, прямая спина, в нём читается сила даже в неподвижности. Взгляд тянется к нему, к тёмной рубашке с закатанными рукавами, к рукам, сильным, с чётко очерченными мышцами, где линии под кожей не просто видны, они глубже, темнее, чем у кого-либо. Они словно пульсируют, уходят вверх, к шее, где это видно ещё сильнее, как будто сама кровь в нём несёт эту тьму.

Стоит поднять глаза и встретиться с ним взглядом — всё замирает. Это не страх и не паника. Это что-то тяжелее, давление, которое нельзя просто игнорировать. Таких глаз не бывает. Они не просто тёмные. В них нет ни света, ни отражений, ни границ.

И в этот же момент его тьма оживает.

Она поднимается от запястий, скользит выше, к шее, про-

ступает в глазах глубже, от неё тянется тонкое, почти невидимое движение, как тёплый дым, медленно уходящий в мою сторону, касается кожи, едва ощутимо. По телу проходит короткий, чужой отклик.

И всё вокруг исчезает, зал, люди, из-под ног уходит земля. Передо мной не просто правитель, передо мной тот, чья сила ощущается даже без движения, достаточно того, что он смотрит.

— Алария Ильиорис, наследница Асфира, нарушила соглашение и развязала мне руки. Приятная неожиданность...

Он произносит это с той властью, в которой нет ни усилия, ни сомнения, кто перед ним.

Я не опускаю голову и не позволяю себе отступить ни на шаг. *Только не смей дёргаться, стой смирно*, — приказываю я себе, стискивая зубы. И только сейчас замечаю движение рядом с ним — женщина. Тёмные волосы убраны назад, на коже видны тонкие тёмные линии. Она смотрит на меня с таким холодным превосходством, будто я — грязь, прилипшая к подошве.

— Склони голову перед правителем! — шипит она, и в этом не просто приказ, а желание поставить меня на место, при всех.

— Мы с ним на равных! — бросаю, не отводя взгляда от неё. Неважно, что они считают, мы с братом равны по праву рождения, но в ту же секунду ловлю движение рядом.

Он поднимается. В его глазах тьма становится глубже, со-

бирается в одну точку, от его рук тянется густой мрак, проходит по залу и достигает меня слишком быстро, не оставляя времени даже на движение. Тело не успевает отступить, как он уже накрывает, проходит сквозь, тело перестаёт слушаться, что-то вырывает из него силу, оставляя только тяжесть. Колени подламываются, не удерживая вес.

— Не склоняешь голову... тогда встанешь на колени!

Пол встречает резко, ладони больно впечатываются в камни, по коже проходит неприятный жар. Я скидываю голову и смотрю ему прямо в глаза, даже не пытаюсь спрятать злость. *Смотри, подавись своей победой, я тебе не сдамся*, — проносится едкая мысль. И чем сильнее он давит, тем больше во мне закипает сопротивление.

Я рвусь из этого давления, ладони упираются в пол, вместе с этим из рук вырывается свет. Он проходит по запястьям, расплзается по коже мягким сиянием. Раздвигаю этим светом мрак, давящий со всех сторон, и на секунду он поддаётся. Тело откликается, колени отрываются от пола. Я почти поднимаюсь, но в тот же момент его тьма сжимается сильнее. Гасит это свечение, и всё ломается, опора уходит, и я снова падаю вниз. Я смотрю на него снизу вверх, и если бы взгляд мог резать, от него бы уже ничего не осталось.

Он уже рядом, слишком близко, голос звучит сверху, с холодной уверенностью:

— Жалкая попытка...

Злость перекрывает страх, не даёт опустить голову, не да-

ёт отвести глаза. Раздаётся смех, резкий, неприятный. Я перевожу внимание, женщина смотрит на меня с тем же до-вольством, губы тянутся в усмешке.

— Райзгар, эта дрянь возомнила, что может быть с тобой на равных.

Он не отвечает, только смещает внимание в сторону.

— Азар, запри её в темнице... она мне ещё пригодится.

В тот же момент мрак будто отпускает. Тело снова слушается меня, мышцы наполняются силой, и я поднимаюсь. Он подходит ближе. И вот между нами уже почти нет расстояния. Тёмные волосы, резкие черты лица — и глаза. Вблизи они кажутся ещё тяжелее, почти давящими. От него воздух становится плотным, будто его можно потрогать, и в нём появляется что-то колючее, настораживающее.

Рука тянется к моим волосам. Я дёргаюсь назад, но за спиной уже дверь. В следующий момент он оказывается ближе. Пальцы захватывают прядь, сжимают. Этот контраст бьёт сильнее всего: линии тьмы под его кожей пульсируют, почти живые, и мои светлые волосы в его руке.

— Интересно... на что пойдёт твой брат, чтобы вернуть тебя...

Он наклоняется ближе, голос становится ниже.

— Я бы разорвал всех на его месте!

Хочется плюнуть ему в лицо, пофиг на всё, на последствия, на этот зал, на него! В голове всплывают слова брата — дикарка, не просто так он меня так называет. Я всё же

сдерживаюсь, сейчас лучше не провоцировать его, слишком понятно, чем это может закончиться.

Рядом с ним останавливается эта женщина, кладёт руку ему на плечо, как будто имеет на это право.

— Райзгар, она не заслуживает, чтобы ты тратил на неё своё время.

— Сайра, тебя это не касается! — отвечает он резко, не повышая голоса.

Она отдёргивает руку не сразу, но и этого хватает, чтобы понять, где её место.

Не люблю злорадствовать, но эта змея заслужила. Её реакция только подтверждает — она смотрит на меня иначе, с открытой злостью, в ней проскальзывает что-то ещё, острое, колючее, почти ревнивое. Хочется усмехнуться — неужели её так задело его прикосновение или слова.

Он отпускает мои волосы, сразу отворачивается и бросает коротко:

— В темницу её.

Азар оказывается рядом, берёт за руку, хватка уверенная, без грубости. Я не сопротивляюсь, сейчас мне нужно только одно — уйти из этого зала как можно быстрее.

Из темницы выбраться точно не получится, и непонятно, что он ещё решит. Этот тёмный сказал, что я ему ещё пригожусь, но зачем, если ему уже ничего не мешает, соглашение нарушено и он может двинуться на Асфир в любой момент. Я ухожу в это так глубоко, что не сразу замечаю, как мы сво-

рачиваем в коридор.

Азар всё время молчит, и только когда стены вокруг меняются, приходит понимание — это не то место, куда ведут заключённых.

Коридор тянется вперёд, узкий, без решёток, без сырости. На стене висят ключи, он снимает один и ведёт дальше, к последней двери.

— Заходи.

Дверь открывается, внутри совсем не то, что я ожидала увидеть. Небольшая комната, две кровати, шкаф, всё просто но это не темница.

— Это не похоже на темницу, — говорю, оборачиваясь к нему.

— А ты так горишь желанием оказаться в темнице?

В его голосе проскальзывает насмешка. Я на секунду сбиваюсь, это совсем не то, чего я ждала.

— Азар, этим ты нарушаешь приказ своего правителя...

— Алария, это уже мои проблемы.

— Зачем ты это делаешь?

— Не думаю, что ты сможешь сбежать из Некгара... поэтому не вижу смысла запирать тебя в темнице.

Он говорит это как факт, уверенно. Я не собираюсь просто ждать. Если появится шанс — я его возьму.

И всё же...

— Спасибо, Азар... не ожидала доброго отношения к себе на этом острове.

Прохожу внутрь, сажусь на кровать. Он остаётся в дверях. Когда поднимаю на него глаза, наши взгляды встречаются. Он вдыхает, как будто хочет что-то сказать... но не говорит. Просто смотрит ещё секунду и затем закрывает дверь, проворачивая ключ.

Я остаюсь в этой комнате одна, часы растворяются один в другом. Мысли не отпускают ни на секунду, возвращаются к одному и тому же, к брату, к Асфиру, к тому, что может начаться в любой момент. Сколько бы я ни пыталась отвлечься, не прокручивать одно и то же, ничего не выходит, всё снова возвращается туда же — к нему, к их правителю, к его словам, к тому, что теперь всё зависит от его решения.

Страж приносит еду, ставит на стол и уходит, не говоря ни слова. Я не отказываюсь, в этом нет смысла, силы мне ещё понадобятся. Я ем почти автоматически, не чувствуя вкуса, продолжая думать о другом — Путь теней, о том, как они вообще выбрались на тропу. Немезы не выходят за пределы, не пересекают её, потому что боятся потока. Наши острова, как и сама тропа, наделены им, и всё это не сходится, не даёт покоя.

Со временем становится прохладнее. Я поднимаюсь и открываю шкаф. Внутри нахожу одежду: тёмная юбка из плотной ткани, длинные рукава — всё закрытое. Моё платье уже испачкано и липнет к коже. Мерзкое ощущение. Хочется содрать его с себя вместе с памятью о том, что произошло.

Я быстро переодеваюсь, стряхивая с себя это ощущение,

и только потом замечаю платок, лежащий рядом. Пальцы сами тянутся к нему. После всего, как на меня смотрели, как выделялась среди них, не хочется снова ловить эти взгляды. Прячу волосы, поправляю ткань, проверяя, чтобы ничего не выбивалось, и в этот момент слышу, как открывается дверь.

На пороге стоит девушка, молодая, с теми же едва заметными линиями на коже. Она замирает, глядя на меня с удивлением.

— Ой... извини, я не знала, что здесь уже кто-то есть, — говорит она быстро, чуть смущённо. — Я хотела прибраться... ты новенькая?

— Да... новенькая, — отвечаю, не задумываясь, подстраиваясь под её тон.

— О, как здорово, а то тут почти нет молодых, скучно одной... давай потом познакомимся, сейчас дел много.

— Да, конечно.

Она кивает, разворачивается и уходит, и только когда шаги стихают, до меня доходит главное. Дверь остаётся открытой. Я смотрю на неё, не двигаюсь и не верю, что это реально произошло. Сердце начинает биться быстрее, это мой шанс, который нельзя упустить.

Задерживаться нельзя. Шаг сразу в коридор. Первое, что ощущается — тишина. Слишком чистая для места, где всегда есть движение. Тело само подбирается. Движения становятся осторожнее, каждый шаг выверяется, чтобы не выдать себя лишним звуком. Взгляд скользит по стенам, по поворо-

там, по проёмам, где в любой момент может появиться стража. Но коридор пуст. Это не даёт облегчения, только усиливает напряжение. Так не должно быть. Всё это похоже на ловушку. Слишком просто, слишком гладко.

Пахнет горячим жиром и печеным хлебом. Запах тянет в сторону — там кухня. В таких местах через неё всегда есть выход для прислуги, скрытый от лишних глаз. Сворачиваю. Внутри жарко, на плитах что-то шкварчит и валит пар, но ни души. Слишком пусто. Взгляд цепляется за брошенный нож на столе, за пустые котлы. Прохожу мимо, не сбавляя шаг, и толкаю дверь в конце зала.

Выхожу во двор. Воздух здесь колючий, стены смыкаются, но впереди виден еще один проем. В голове мелькает, что всё слишком легко, но я не торможу. Очередная дверь поддается. Камень уходит под землю, впереди — лес Некгара.

Деревья черные, с грубой наждачной корой, о которую я постоянно задеваю плечом, и ветви их торчат в разные стороны, переплетаясь вверху. В густом полумраке дрожат фиолетовые пятна света, от этого лес кажется слишком живым. Я ухожу вглубь, переходя на рваный бег, сухие сучья царапают лицо, а каждый хруст под ногами заставляет сердце прыгать. Оглядываться нельзя, даже когда дыхания начинает не хватать и ноги цепляются за камни в рыхлой земле. Я не знаю этого леса и не знаю, кто в нем прячется.

«Плевать на лес. Только бы подальше от его глаз. Если я здесь и сдохну, то хотя бы не на коленях. Ноги уже горят, но

останавливаться нельзя».

Деревья сгущаются, тени становятся плотнее, свет почти не пробивается. Земля под ногами неровная, цепкая, корни выпирают из-под неё, задевают ступни, сбивают шаг, но я не замедляюсь, только сильнее вдавливаю ногу в землю. Двигаясь вперёд через усилие, через тяжесть, которая накапливается в теле с каждым шагом.

Сердце глухо бьётся в висках, отдаёт в голову, страх не уходит, он становится глубже. Мысль о том, что здесь я одна, что никто не придёт, если что-то случится, только подталкивает дальше, заставляя ускоряться ещё сильнее, почти на пределе.

Я не смотрю под ноги, не успеваю, только вперёд. В какой-то момент ступня цепляется за выступающий корень, тело уходит вперёд, и я не успеваю среагировать, лечу вниз, ударяясь о землю.

Глава 5

Сил не было даже перевернуться. Кое-как заставила себя, со стоном перекатилась на спину. Лежу, смотрю вверх сквозь рваные кроны. Небо Некгара темное. Фиолетовое. От него никакого тепла, только холодный, рассеянный свет. Щека горит и пульсирует, видимо, разодрала об ветку, когда летела вниз. Под затылком мешает острый корень, он больно давит в одну точку, но даже сдвинуться лень.

Лежи, не шевелись, всё равно всё болит, — вяло шепчет внутренний голос.

Тело мелко трясет. В ногах глухо тянет, мышцы словно налиты свинцом. Хочется просто закрыть глаза, уткнуться лицом в сухую листву и не вставать. В носу свербит от запаха прелой земли и какой-то горькой дряни, похожей на полынь. Но упрямство не дает. Я не так устроена.

Вставай, Алария, иначе тут и сгниешь.

Вспоминаю отца. Он вечно ворчал, что характер у меня в мать — такой же прямой и упрямый. Иду вперед, даже когда ноги подкашиваются. С ним всегда было спокойно: пахло старой кожей его куртки и табаком, а тяжелая ладонь на плече сразу умирляла любую панику. Маму я почти не помню. Только обрывки: мягкий смех и что-то теплое, светлое. Она ушла слишком рано, оставив после себя только эту пу-

стоту и ворох неясных картинок.

Лес шумит глухо, сухие ветви трутся друг о друга с противным, надсадным скрипом, от которого зубы сводит. Хватит раскисать, вставай, — зло проносится в мыслях. В этом шуме вдруг всплывает его голос, четко, как наяву:

— Не останавливайся, Алария. Пока идешь — ты жива.

Тело перестает трясти, но внутри все еще сидит напряжение, не давая расслабиться. Лежать нельзя, нельзя давать себе даже минуту. Под затылком впивается в кожу острый сушок, напоминая, что я валяюсь в грязи.

Приподнимаюсь на локтях, и движение тут же стреляет в ногу. Боль резкая, тянущая, заставляющая на миг замереть. Плечо саднит, под одежду набилась земля и колючий мусор. Порез глубокий, ткань разошлась грязными лохмотьями. Кровь уже успела подсохнуть и липкой коркой стянула края раны.

Я поднимаю руку. Пальцы сводит от напряжения, и в ладони начинает проступать мягкий, живой свет. Я подношу его к ноге, по коже разливается жар, стягиваются края разреза.

Выпрямляюсь, осторожно переношу вес на ногу. Мышцы все еще сводит судорогой от долгого бега. Делаю шаг, затем еще один, стряхивая с ладоней налипшую прелую листву. Только убедившись, что не рухну, прибавляю ход. Мне нужно найти путь теней. Другого выхода просто нет.

Лес меняется. Деревья редеют, тени остаются позади, и

впереди показывается просвет. Я выхожу на открытое место и замираю. Дальше тянется другая земля — сухая, в глубоких трещинах, затянутая плотной белесой коркой. Острые камни торчат из нее, как обломки костей. Воздух здесь тяжелый, с едкой горечью. Иду дальше, осторожно проверяя почву. Под подошвой то и дело с треском лопаются соляная корка, и в этой пустоте звук кажется пушечным выстрелом. Слишком открытое место, я здесь как на ладони. Пот течет по виску, щиплет глаза, но я не поднимаю рук, боясь лишнего движения.

Ноги наливаются тяжестью, шаги замедляются. В какой-то момент тишину пререзает звук, тянущийся вой, совсем не похожий на ветер. Я застываю, вглядываясь в изломанные глыбы впереди. Там что-то шевелится. Это еще что за дрянь? В книгах о таких точно не писали, — сердце уходит в пятки, когда я вижу очертания существ.

Тела тяжёлые, приземистые, усыпаны шипами. Грубые костяные наросты торчат в разные стороны, они облеплены сухой грязью и пылью. Спины изогнуты, тянут вниз. В этих движениях нет ничего плавного. Только тяжесть. Там, где должны быть глаза — пустота. Ряды тёмных влажных углублений. Это неправильно. Живое существо не должно так выглядеть. И всё же они двигаются, перебирая мощными лапами и с мерзким скрежетом царапая когтями сухую землю.

Я замираю, стараясь даже не дышать. Начинаю отступать, медленно, нащупывая пяткой каждый сантиметр земли. Од-

на ошибка, один лишний звук, и всё. Взгляд прикован к ним. Они двигаются странно: не рыщут глазами, не принохиваются, но в их движениях есть пугающая уверенность. Они точно знают, где что находится. Внутри всё холодеет, мышцы деревенеют, и каждый шаг дается с трудом, будто я иду сквозь густую смолу.

Только не смотри в сторону, только не споткнись, — твержу я про себя, сжимая кулаки до боли.

Переношу вес на другую ногу, стараясь не задеть острые камни. Но тишину всё же нарушает едва слышный хруст соляной корки. Один из них резко, дергано поворачивается прямо ко мне. В ту же секунду тварь срывается с места. Для такой массивной туши она несется слишком быстро, сокращая расстояние в несколько прыжков. В голове вспыхивает четкая, сухая мысль: не убежать.

Руки висят вдоль тела, ладони сами разворачиваются. Я собираю свет: сначала он еле тлеет глубоко под кожей, а потом выходит наружу мягким, теплым сиянием. Сила ползет по пальцам, поднимается к запястьям. Свет тянется от ладоней неровно, рвется, но я заставляю его замкнуться в тонкую оболочку. Пальцы уже начинает сводить от напряжения.

Монстр несется напролом. В последний момент, когда в лицо уже бьет вонь его шкуры, купол захлопывается. Тварь врезается в свет, ее заносит, но она не уходит. Она начинает кружить рядом, тяжело дыша и принохиваясь к самой границе защиты. Купол дрожит и идет рябью, приходится вли-

вать в него силы.

Я никогда не держала щит так долго. Одно дело — тренировки с братом, когда всё спокойно, и совсем другое — здесь, когда сердце колотится в самом горле. Сила утекает сквозь пальцы быстрее, чем я успеваю ее восстанавливать.

Я лихорадочно оглядываюсь. Впереди, среди глыб, темнеет узкая щель в скалах — туда эта туша точно не пролезет. Это единственный шанс. Тварь на секунду смещается вбок, и я понимаю: сейчас или никогда! Я отпускаю купол. Воздух разрывает мой собственный крик — надрывный, хриплый, переходящий в визг от зашкаливающего адреналина. И я срываюсь с места.

Бег дается с трудом, ноги ватные и совсем не слушаются. Позади сразу слышится тяжелый топот. Удары лап о сухую корку земли такие мощные, что я кожей чувствую вибрацию. Они уже за спиной, слишком близко. По спине продирает холодный пот, заставляя выжимать из себя последнее.

Скалы уже перед носом, узкая щель почти рядом, еще пара рывков — и я внутри.

Но массивная туша перекрывает проход. Монстр разворачивается ко мне, я резко бью по тормозам, едва не падая. Оборачиваюсь назад и замираю: там уже не одна тварь. Их целая стая, они выстроились полукругом, отрезая все пути.

Злость, страх и бессилие скрутились в один комок. *«Дура... это всё не просто так...»* — бьется в голове. Всё было слишком легко, они просто дали мне уйти, зная, что я са-

ма прибегу в эту ловушку и сдохну здесь. Райзгар даже руки пачкать не захотел.

Твари стоят и смотрят, и это ожидание выматывает сильнее боя. В их позах нет сомнения, только тупая уверенность. И вдруг они срываются — все разом, на той же жуткой скорости. Я вскидываю руки, выбрасываю вперед свет. Вспышка бьет по глазам, но толку ноль: они даже не притормозили, будто я в них из детской рогатки выстрелила.

И в этот момент в них врезается тьма. Густая, жирная, как деготь. Она бьет с такой силой, что монстров просто впечатывает в камни. Тела замирают, наткнувшись на невидимую стену. Я поворачиваю голову в сторону, откуда пришел удар.

Азар...

— Беги, Алария!

Я срываюсь с места. Ноги заплетаются, я почти влетаю в него на ходу. Азар ловит меня, больно прижимая к себе; его рука тяжелым грузом ложится на спину, фиксируя на месте. В голове набатом бьет одна мысль: Это всё из-за них. Это их ловушка, их игра. Но выбирать не приходится — либо эта тьма, либо зубы тех тварей.

Вокруг нас тут же вскипает тьма. Сначала она вьется у его сапог, жирная и тяжелая, а потом ползет выше, обвивая нас коконом. Она становится всё гуще, забивая собой пространство. Я кожей чувствую, как Азар напрягается. Внутри него ворочается такая силища, что это передается мне через прикосновение, отзываясь дрожью в костях.

Тьма смыкается над головой. Она не просто висит рядом — она ощутимо давит, отсекая все звуки снаружи. Визги монстров и шум ветра мгновенно исчезают, будто нас вырвали из мира и засунули в тесный глухой ящик.

Я мертвой хваткой вцепляюсь в его куртку, утыкаюсь лицом в плечо. Голос дрожит, и я уже не пытаюсь строить из себя сильную — просто прижимаюсь к нему как к единственной опоре.

— Где эти монстры... как ты прошёл... почему они тебя не тронули...

— Они боятся нас, Алария. Боятся нашего потока. А твой свет притягивает их.

Я отстраняюсь и смотрю ему прямо в лицо. В следующую секунду со всей дури бью его кулаком в грудь. Руке больно, его грудная клетка как каменная плита, но злость уже не остановить, она вылетает наружу вместе с хриплым дыханием:

— Это всё вы! Вы знали, что я сбежала и не остановили... хотели, чтобы я погибла здесь... тогда почему ты меня спас?!

— Райзгар приказал. Чтобы ты больше даже не думала о побеге... Мне жаль, Алария.

Хочется кричать дальше, швырять в него обвинения, выплеснуть всё, что накопилось, но я осекаюсь. Он здесь ничего не решает. Вся эта мерзкая игра — не его затея.

Райзгар...

Злость вспыхивает снова, но теперь она уже другая. Она

больше не рвется наружу истерикой, а медленно оседает внутри, превращаясь в холодный ком под ребрами. Настоящая ненависть, какой я раньше никогда не чувствовала. Чистая ненависть к человеку, который способен вот так, ради своей выгоды или просто прихоти, играть чужими жизнями.

— Давай выбираться отсюда, — говорит он тихо.

Я понимаю, что проиграла. Убежать не вышло, и теперь остается только одно — вернуться и ждать, что он там еще решит.

Опускаю взгляд вниз. Вид у меня жалкий. Юбка разодрана в клочья, и в каждом шаге подол цепляется за ветки, мешая идти.

Азар ведет меня обратно, не снимая защиту. Тьма висит вокруг нас плотным куполом, гасит любой шорох и отсекает то, что осталось позади. Под ногами постоянно что-то хрустит — то сухой сучок, то острый камень, который больно впивается в подошву через тонкую туфлю. Я спотыкаюсь, едва не налетаю на него, но он даже не оборачивается.

Только когда мы заходим под густые кроны леса, он постепенно убирает мрак. Тень стягивается к его рукам и растворяется. Лес тут же оживает: слышны наши тяжелые шаги, треск ломающихся веток и далекий, противный скрип деревьев.

Азар молчит, и эта тишина давит на уши сильнее, чем недавний крик. В голове слишком много мыслей, они роятся, не давая вздохнуть, и я в какой-то момент просто не вы-

держиваю.

— Ты давно служишь ему?

— Да.

Ответил коротко, даже не обернулся. Это его спокойствие бесит больше всего. Я едва поспеваю за ним, задыхаясь и постоянно задевая плечом шершавую кору деревьев.

— Я же вижу, что ты не такой, как он. Не понимаю, как ты можешь... выполнять всё это.

Под ногой хрустнула крупная ветка. Азар прошёл ещё несколько шагов, перешагивая через торчащий корень, и буркнул, не оборачиваясь:

— Мы выросли вместе. Райзгар сильный правитель. Он думает о своем острове и людях.

— Ты бы ещё сказал, что он хороший... — с губ срывается нервный смешок, резкий, почти чужой, я качаю головой. — Я не сомневаюсь, что он сильный но сердца у него нет! — слова выходят быстрее, чем я успеваю их остановить, злость накрывает снова. — Я могла там умереть... а я ничего не сделала ни ему, ни его острову!

— Я следил за тобой. Ты бы не умерла в той долине.

— Что?! — я резко останавливаюсь. — То есть ты всё это время... пока я там пыталась выжить... просто наблюдал?!

— Я ждал момента.

— Значит ты такой же, как он! Бесчувственный! — я срываюсь на крик и иду вперёд быстрее, не желая больше его слышать.

Он резко догоняет меня, хватая за руку и дергает назад. Я не успеваю даже охнуть, как влетаю в него. Воздух из легких выбивает, в глазах на миг темнеет. Пальцы впиваются в запястье, его кожа кажется неестественно горячей, почти обжигает. По руке проходит дурацкий, непрощеный отклик, от которого хочется зарычать на саму себя. Он наваливается сверху, прижимая меня к себе второй рукой; я чувствую твердость его груди и то, как его дыхание мажет по моему лицу. Расстояния вообще не осталось. Пытаюсь отпихнуться, но только сильнее вжимаюсь в его куртку.

Хватка на запястье вдруг исчезает. Вместо этого его ладонь ложится мне на щеку, грубо фиксируя голову, чтобы я не смела отворачиваться. Его пальцы шершавые и тяжелые.

— Успокойся! — рычит он прямо мне в губы.

— От него... — голос срывается на мгновение, но я продолжаю. — Я могла ожидать всего, чего угодно... но от тебя — нет!

Хватка на лице меняется: пальцы больше не сжимают челюсть, а просто лежат на коже почти невесомо.

— Я бы не дал им тебя тронуть!

В его глазах всё та же темень, но по тому, как он смотрит, тяжело и хмуро. Я понимаю: он правда не хотел, чтобы всё зашло так далеко. От этого прикосновения по шее пробегает странный холодок, а в голове на миг становится пусто и тихо, несмотря на весь хаос вокруг. Злость никуда не делась. Она просто перетекла на Райзгара, оставив Азару только горечь.

— Я не на тебя злюсь, — слова выталкиваются с трудом, через ком в горле. — Но ты мог выйти раньше...

Он не оправдывается. Стоит молча пару секунд, глядя куда-то мне за плечо, а потом едва слышно роняет:

— Извини.

И тут же убирает руку. Отворачивается, делает шаг назад, будто чертит между нами границу и не дает мне шанса что-то добавить.

— Надо идти быстрее. Скоро стемнеет, — бросает он уже на ходу.

Он идет вперед, не оборачиваясь. Я застываю на месте, глядя ему в спину. От него можно было ждать чего угодно — раздражения, очередного приказа или просто холодного молчания, — но только не этого тихого «извини». Я еще пару секунд стою, переваривая услышанное, а потом вздыхаю и иду следом.

Азар шагает размашисто, и мне приходится почти бежать, чтобы не отстать. Под ногами постоянно хрустит какой-то мусор, сухие листья липнут к грязным туфлям, а ремешок снова начинает нещадно натирать ногу. Я смотрю на его широкую спину и стараюсь просто не спотыкаться о корни, которые в сумерках кажутся живыми змеями.

Обратная дорога проходит почти в тишине. Иду за ним, стараясь не наступать на сухие сучья, но они всё равно предательски трещат под ногами. Мысли крутятся вокруг одного и того же: это всё не случайно. Райзгар всё просчитал, а

Азар просто ждал момента, когда я дойду до края.

И всё равно я не могу злиться на него так, как следовало бы. Он не должен быть исключением, не после того, как позволил всему этому случиться. Но каждый раз, когда вспоминаю, как его тьма закрыла меня от тех тварей, как он держал меня, вся моя злость рассыпается. Что со мной не так? Почему я вообще чувствую эту дурацкую благодарность?

Азар приводит меня обратно к той же комнате. Он просто открывает дверь и отступает, давая войти. Я прохожу внутрь и слышу, что дверь остается открытой. Он не тянется за ключами, не пытается меня запереть. Просто так оставит? Без охраны? Я замираю посреди комнаты, не зная, радоваться этому или ждать нового подвоха.

— В конце коридора купальня, — говорит он буднично.
— Вещи тебе принесут. И ужин тоже.

— Ты даже не закроешь пленницу?

— В этом больше нет нужды.

— Конечно. Я пленница не этого замка, а острова. И я уже поняла, что не выберусь. Остается только ждать неизвестно чего...

— Райзгар уже всё решил. Войны не будет, Алария. Но твоему брату придется согласиться на условия. Больше я сказать не могу.

— Зачем ты вообще мне это говоришь? — спрашиваю я, и голос предательски стихает.

— Не хочу, чтобы ты накручивала себя.

Он делает шаг назад к выходу.

— Спокойной ночи, Алария.

Дверь начинает медленно закрываться. В голове каша из того, что он сделал и чего не сделал, и прежде чем я успеваю прикусить язык, слова вылетают сами:

— Спасибо, Азар.

Я остаюсь одна, и тишина наваливается сразу. Мысли снова тянутся к лесу и Райзгару, но я обрываю их. Смысла нет, изменить уже ничего нельзя. Если продолжать жевать это в голове, станет только хуже.

Выхожу в коридор и иду до купальни — просто чтобы занять себя хоть чем-то. Теплая вода смывает грязь и пот, тело постепенно расслабляется, но тяжесть внутри никуда не девается. Кожа после горячей воды порозовела, а саднившие царапины теперь щиплет.

Возвращаюсь в комнату. На столе уже стоит ужин, а рядом — та самая девушка. Она оборачивается на звук шагов. В её взгляде нет ни капли злости или страха — только открытый, почти детский интерес.

— Ты вернулась, — говорит она легко. Эта простота в голосе звучит дико для такого места.

— Прости, что наврала тебе, — говорю я, глядя ей прямо в глаза. — За то, что обманула.

Она сразу отмахивается, плечо едва заметно двигается, как будто это и правда ничего не значит.

— Всё нормально. Меня, кстати, Дайна зовут.

— Алария, — отвечаю, и по тому, как она на мгновение замирает, понимаю — имя она уже слышала.

— Я слышала... ты из Асфира, — добавляет она тише, осторожно, но без страха.

— Да.

Она не отвечает сразу, разглядывает меня заново. Глаза скользят по моим рукам, где под кожей теплится свет, по шее, волосам. Она делает это слишком явно.

— Непривычно видеть такой свет, — говорит она, и в голосе теперь настоящее любопытство.

— А мне непривычно видеть столько тьмы, — отвечаю я, стараясь говорить спокойнее.

— Я всю жизнь здесь, в Некгаре, — она тихо усмехается. — Другого тоже не видела.

Между нами повисает пауза. Она не выдерживает первой:

— Ты же наследница Асфира. Разве ты не бываешь на встречах правителей?

— Нет. Этим занимается брат. Он правит, все решения на нем.

Она кивает, принимая ответ, но интерес в ней не гаснет. У меня же внутри ворочается кое-что поважнее.

— Тебя не наказали за то, что я сбежала? — спрашиваю я, ловя ее взгляд.

— Нет, — пауза затягивается. — Это был приказ правителя. Дверь не закрывать.

— Что?

Она чуть отворачивается, будто ей неприятно об этом говорить.

— Он велел мне зайти. Сделать вид, что я приняла тебя за новенькую служанку. Чтобы ты ничего не заподозрила и решилась на побег.

Теперь всё сложилось. Ни одного случайного шага. Всё выстроено заранее, просчитано до мелочей. Я всё это время шла ровно по его указке, позволяя вести себя в ловушку. Он не просто следит за мной, он дергает за ниточки. И я до сих пор не понимаю правил этой игры.

Глава 6

Просыпаюсь медленно. Сначала просто лежу и прислушиваюсь к телу: осторожно шевелю пальцами ног, веду плечом по простыне. Боли нет, вчерашняя свинцовая тяжесть ушла. Осталась только вялость в мышцах, но она не давит, а скорее успокаивает. В комнате пахнет остывшим воском и сухой травой.

В памяти сразу всплывает вчерашний вечер. Мы сидели с Дайной прямо на полу у стола, жевали остывшее мясо и болтали обо всем подряд. В какой-то момент я прыснула от ее шутки, и этот смех прозвучал дико в пустой комнате, слишком громко для каменных стен. Дайна вообще оказалась другой, никакой замковой спеси или страха, обычная, девчонка. Она рассказывала о себе просто, без нытья, но от ее историй у меня внутри все сжималось.

Мать у нее умерла от какой-то лихорадки, когда Дайна была совсем мелкой. Отец с братом только пили да кулаками махали — никакого покоя дома не было. Работа во дворце стала для нее не рабством, а спасением. Тут хоть кормят и крыша не течет. Я слушала ее, ковыряя пальцем край стола, и понимала, что мне ее не понять. У нее вообще никого нет. Ни единой живой души, чтобы просто выдохнуть и побыть слабой. От этих мыслей в груди заскребло.

У меня-то есть Авриэль.

Тоска бахнула так резко, что перехватило горло. Я скучаю по нему до дурноты. По его вечному ворчанию, по тому, как он садился рядом и молча чистил свой меч, по дурацкому чувству, что пока брат жив — со мной ничего не случится. На секунду меня так накрыло этой слабостью, что захотелось завывать в подушку.

Я резко выдыхаю сквозь зубы и открываю глаза, уставившись в потолок.

Хватит. Раскисла, дура.

Они думают, что испугали меня своими тварями, думают, что я буду сидеть здесь и дрожать, ждать, пока решат, что со мной делать. Нет. Не этого они от меня получат.

Поднимаюсь с кровати, тело слушается без сопротивления, подхожу к шкафу и распаиваю дверцы, и на секунду замираю — вчера здесь этого не было. Платья висят одно за другим, разные, лёгкие, откровенные, ткань тонкая, почти невесомая, местами прозрачная, с глубокими вырезами, с открытыми линиями, в них нет сдержанности, к которой я привыкла, но есть своя красота, чужая, непривычная, и от этого цепляющая.

Пальцы скользят по ткани, перебираю их одно за другим, останавливаюсь на светло-фиолетовом, цвет мягкий, но в нём есть глубина, тот самый оттенок, который держится в этом месте везде.

Натягиваю платье через голову. Ткань прохладная, сколь-

зит по телу и почти не весит. Шагаю к мутному зеркалу в углу и застываю. Цвет платья будто сливается с этим мрачным замком, зато светлые волосы и глаза на его фоне кажутся неестественно яркими, почти чужими. Выглядит... красиво, черт возьми.

Вырез на груди глубоковат, непривычно. А когда делаю шаг, ткань на бедре расходится, открывая слишком много ноги. Местами подол вообще почти прозрачный. По идее, надо бы разозлиться, содрать эту тряпку, но вместо этого я только упрямо вскидываю подбородок.

Поворачиваюсь боком, смотрю, как подол колышется у лодыжек, и тихонько прыскаю. Видела бы меня сейчас Нелли... точно схватилась бы за сердце и грохнулась в обморок. От этой мысли на душе становится капельку теплее.

Разворачиваюсь к двери, уже не сомневаясь. Пора посмотреть, как живёт Некгар и какие тайны он скрывает.

В коридоре воздух сразу кажется холоднее и плотнее. Каждая половица глухо отзывается на шаг. Только сейчас до меня доходит, что я шлепаю абсолютно босиком — пятки приятно холодит гладкий камень. Возвращаться за обувью лень, так что я иду дальше как есть.

По пути то и дело попадаются служанки. Они жмутся к стенам, уступая дорогу, но я кожей ощущаю их косые взгляды. Девчонки рассматривают всё: растрепанные светлые волосы, платье, лицо. Я не опускаю голову и не сбавляю ход. Спина прямая — пусть смотрят, мне плевать.

На повороте одна из девок застывает с тряпкой в руках и откровенно пялится на мои голые пальцы ног. Я на секунду притормаживаю, но тут же ухмыляюсь про себя. Дома я вечно носилась босиком по террасам и никого это не волновало. С чего бы мне здесь менять свои привычки? Я вскидываю подбородок и шагаю дальше, шурша подолом.

Большой холл проскакиваю без остановки. Направо и налево расходятся широкие галереи — туда, где начинается настоящий, жилой дворец, скрытый от парадных глаз. Каменные плиты под ногами отливают тем самым фиолетовым цветом. Свет здесь мягкий, он больше не раздражает своей чуждостью. Я ловлю себя на мысли, что замок выстроен идеально: каждая арка, каждая колонна стоят ровно там, где должны.

Лестницы, ведущие на верхние этажи, я сознательно игнорирую. Там наверняка хозяйские спальни, соваться туда без спроса — напрашиваться на неприятности. А вот весь нижний ярус открыт, будто меня специально приглашают осмотреться.

Первая дверь слева ведет в библиотеку. Захожу туда не думая и сразу останавливаюсь. Помещение уходит вверх гораздо выше, чем казалось снаружи: тяжелые стеллажи из темного дерева забиты книгами под самый потолок. Ряд за рядом, корешок к корешку. Воздух тут совсем другой — густой, сонный, насквозь пропитанный старой бумагой, кожей и пылью. Я медленно иду вдоль полок, просто ведя пальца-

ми по корешкам переплетов. Внутри царит такой покой, что невольно хочется остаться.

Выхожу обратно и бреду дальше по коридору. Просто смотрю по сторонам. Замок постоянно меняется: узкие проходы сменяются залами с высокими колоннами, за ними открываются темные тупики со спертым воздухом, где на стенах висят мягкие гобелены. Повсюду этот фиолетовый камень с редкими белыми прожилками. От этой безупречной структуры веет такой силой и порядком, что это начинает пугать и притягивать одновременно.

Я шагаю не таясь, шлепая босыми ногами по прохладным плитам. И чем дальше пробираюсь, тем яснее понимаю: дворец больше не давит на плечи. Он будто затягивает в себя, позволяя рассмотреть каждый угол.

В конце длинной галереи я замечаю силуэт.

Женщина. Я узнаю её сразу — та самая, что стояла рядом с Райзгаром в зале. В памяти мгновенно всплывает её надменный взгляд, её голос, то, как она смотрела, и следом — момент, когда он поставил её на место, имя приходит почти сразу, словно лежало где-то рядом.

Сайра.

Она уже смотрит на меня. И это не просто интерес. В её глазах нет ни тени спокойствия — только холод и что-то острое, колючее. Чем дольше мы стоим друг против друга, тем яснее становится: она меня просто ненавидит.

Сайра шагает медленно, но в каждом движении чувству-

ется натянутая струна. С каждым ее шагом этот взгляд становится только тяжелее и темнее. Она явно уже придумала, что скажет, осталось только преодолеть разделяющие нас метры.

Она останавливается совсем рядом. Слишком близко — я чувствую запах ее горьких духов. Это чужое присутствие давит физически.

— Какого чёрта ты тут делаешь? — шипит она, и в голосе столько злости, что ещё немного — и она сорвется. — Кто дал тебе право шляться по дворцу, как будто ты имеешь на это право?

Я смотрю на неё прямо, не двигаясь, и отвечаю спокойно, даже не пытаюсь смягчить слова:

— Этот вопрос ты можешь задать Райзгару.

Специально произношу его имя так, как есть, без титула, без уважения.

— Так что можешь пойти и задать этот вопрос ему, — добавляю, не отводя глаз, — если, конечно, он снова не укажет тебе на твоё место.

Слова бьют точно в цель. Лицо Сайры на мгновение перекашивается от ярости, а пальцы судорожно сжимаются в кулаки.

Прекрасно понимаю, что перешла грань, по тому, как она меняется, как в ней щёлкает что-то опасное, но отступать не собираюсь, не позволю никому разговаривать со мной так, с этим ядовитым нажимом, с этим ощущением, что я здесь ниже, чем она, что должна склониться и принять её правила,

и даже мысль об этом вызывает только упрямое сопротивление.

Я знала, что она не проглотит это. С самого начала было ясно, что с её характером, с этим холодным самодовольством, с уверенностью, что всё здесь принадлежит ей, она не отпустит просто так, не сделает вид, что ничего не произошло.

И в следующую секунду это становится реальностью.

Её глаза темнеют сильнее, цвет словно уходит глубже под кожу. По шее и запястьям Сайры проступают линии — плотные, живые, они едва заметно пульсируют. Воздух между нами мгновенно густеет и тяжелеет, как перед грозовым ударом.

Она срывается вперёд. Пальцы со всего размаху впиваются мне в горло. Меня впечатывает в стену так быстро, что я не успеваю даже выставить блок. Спина с маху бьется о камень, холод пробивает платье, но на это плевать — дыхание перехватывает от самого удара.

Моя рука сама идет вверх и перехватывает её запястье. Вцепляюсь пальцами в ее кожу, не давая сжать пальцы до конца и полностью перекрыть мне воздух. Сайра давит со всей дури, и в этом толчке я остро чувствую, какая у нее бешеная, неестественная сила.

Убьет же, дура психованная, — вспыхивает в панике, пока в глазах начинают прыгать темные точки.

— Да кто ты такая, — срывается у неё, голос ломается от

злости, — чтобы со мной так разговаривать, дрянь?!

— Я наследница Асфира, — выдавливаю, удерживая её руку, не позволяя себе отвести взгляд, — а ты...

Слова обрываются на секунду, но я всё равно заканчиваю, чувствуя, как внутри поднимается холодная решимость:

— ты, как я понимаю, без рода.

Я никогда так не говорила. Никогда не позволяла себе ударить словами так прямо, но сейчас это выходит само, и отступать уже поздно.

— Ах ты...

Она срывается, уже не сдерживаясь. Пальцы сжимаются сильнее, и в этот момент её поток выходит полностью.

Тьма ползет по её руке, как живая — сначала тонкой линией под кожей, потом шире, плотнее. Она забивает запястье, поднимается выше и обволакивает руку вязким черным чулком. Давление резко возрастает. Пальцы Сайры вжимаются в горло сильнее, чем я могу выдержать. Хватка становится невыносимой.

Воздух обрывается сразу. Грудь дергается в попытке вдохнуть, но толку ноль — только пустой судорожный рывок, от которого паника бьет по мозгам. В ушах начинает мерзко звенеть, перед глазами всё плывет и двоится. Мир сужается до этого жесткого, мертвой хваткой держащего пальца на моей шее. Сайра скалится мне прямо в лицо, смакуя то, как я задыхаюсь и теряю контроль. От этой ее зловещей улыбки внутри закипает бешеная злость, которая глушит даже страх

смерти.

Собираю последние силы. Держусь за её запястье, не разжимая пальцев, глубоко под кожей вспыхивает мой свет. Сначала он еле тлеет, но быстро набирает силу. Он несется по венам прямо в ладонь, уплотняется там, горячим комом прижимаясь к ее руке. Я не даю ему взорваться, удерживаю форму и направляю всю мощь в то место, где её тьма держится плотнее всего.

Свет утыкается в её поток. Медленно, без резкого удара, он начинает ровно и тяжело давить, выжигая и выталкивая эту грязь обратно, слой за слоем. Ладонь обжигает чужим и своим потоком. Хватка на моем горле наконец ослабевает — сначала на миллиметр, а потом Сайра испуганно дергает пальцами.

Её глаза меняются. Удивление мелькает первым — она явно не ожидала такого отпора.

Я продолжаю давить, не давая ей вернуть контроль. Свет становится ярче, горячее, он буквально вытесняет её силу. В какой-то момент пальцы Сайры разжимаются настолько, что я наконец могу сделать вдох. Воздух врывается в легкие, нещадно обжигая исцарапанное горло, грудь болезненно сжимается, но я уже не отступаю.

Вторая рука поднимается автоматически. Теперь свет собирается быстрее, без всяких сомнений. Я вкладываю в него всю злость и выбрасываю ладонь вперед, прямо ей в грудь.

Удар получается сильным, плотным сгустком. Сила не

рассыпается искрами, а врезается в нее целиком. Сайру отрывает от меня и отбрасывает назад. Она с глухим стуком бьется спиной о противоположную стену коридора. Тьма на её руках на секунду рвется и идет трещинами, теряя форму.

Я остаюсь стоять у стены, сползая по ней спиной и тяжело, со свистом дыша. В груди всё еще гудит и вибрирует после этого бешеного выброса. Я смотрю на Сайру в упор, не отводя глаз, и сжимаю кулаки, готовая ко второму раунду.

— Ты заплатишь за это! — срывается она, отталкивается от стены и снова идёт на меня, уже не сдерживаясь, на одной злости, будто удара не было вовсе.

Я не двигаюсь, только разворачиваю ладони, собирая поток прямо на ходу. Свет под кожей вспыхивает резко, скребет по запястьям и стягивается в пальцах. На шее линии наливаются жаром, становясь плотнее. Дыхание выравнивается само, а в голове остается только одна цель — удержать и направить. Я уже готова выплеснуть всё это ей в морду, когда Сайра почти долетает до меня.

В этот миг пространство за ее спиной густеет. Не резко, а тяжелым, глухим сжатием, будто воздух превратился в свинец. В следующую секунду эта жирная тьма облепляет её со всех сторон, перехватывая движение прямо на лету. Сайра застывает в нелепом броске: одна голая нога зависла над плитами, рука занесена для удара, мышцы перекошены от напряжения. Она только дергается короткими, бессильными рывками, но не может сдвинуться ни на миллиметр.

Я выдыхаю сквозь зубы, гася свет в ладонях, и кошусь в сторону.

Азар стоит чуть поодаль. Тьма висит вокруг него плотным живым коконом, лениво стекая с плеч и рук. Это его поток держит девку мертвой хваткой. Черт, он как всегда вовремя. Хотя внутри зудит упрямая уверенность: даже если бы он не сунулся, я бы всё равно не отступила.

— Сайра! — его голос проходит по залу без усилия, но так, что не остаётся ни малейшего пространства для сопротивления, и он делает шаг к ней, не ослабляя поток. — Райзгар ясно сказал держаться подальше от неё.

Я смотрю на него и понимаю, что это не просто реакция на происходящее, он знал, на что она способна, знал, чем это может закончиться, и эта мысль складывается в одно — я действительно нужна.

— Алария, ты в порядке? — он поворачивается ко мне. Взгляд у него цепкий, быстрый — прошелся сверху вниз, проверяя каждую деталь, от растрепанных волос до босых ног на холодном камне.

— Я могу за себя постоять, — отвечаю ровно, стараясь не сипеть сорванным горлом.

Гашу поток, позволяя свету уйти глубоко под кожу. Тело сразу обмякает, руки тяжелеют, но внутри это дурацкое напряжение так и не исчезает до конца. Кожа на шее, куда давила Сайра, начинает неприятно гореть и ныть.

Он тихо хмыкает, и в этом звуке слишком явно читается

вчерашний день, долина, мой бег, страх, и то, чем всё могло закончиться. Тьма вокруг него сжимается на короткий момент, прежде чем резко исчезнуть.

Как только давление уходит, тело Сайры теряет опору, её буквально выбивает из этого застывшего положения. Она падает с глухим ударом, не успевая удержаться, и остаётся на полу, собирая себя обратно, в то время как злость в ней никуда не исчезает, только уходит глубже.

Азар делает шаг вперед, закрывая меня собой, и склоняется к Сайре. В его голосе появляется тот самый холодный, командный тон, который вообще не предполагает споров:

— Убирайся. Или я доложу Райзгару. И тогда ты вылетитишь из дворца к чертям.

Сайра застывает. Я вижу, как в ней закипает бешеная ярость, как до черноты темнеют глаза. Она буквально давится собственными словами, сдерживаясь из последних сил. Понимает, дура, что сейчас не тот момент. Медленно, поптичьи дергано она поднимается с пола, расправляет плечи и снова в упор смотрит на меня.

Этот взгляд вообще ничего не прячет. Он впивается в лицо как обещание скорой расправы. Только после этого она резко разворачивается и уходит прочь по коридору. Шагает быстро, дергано, плечи напряжены. По ее спине сразу видно: она запомнила каждую мелочь и эту драку мне еще припомнит.

— Не думал, что после вчерашнего ты вообще выйдешь

из комнаты, — произносит Азар с легкой усмешкой.

Он подходит почти вплотную. Расстояние между нами мгновенно тает. От него веет неожиданным, густым теплом, которое кажется совсем чужим для этого промерзшего замка. На долю секунды дыхание сбивается, но вместо того чтобы сделать шаг назад и вернуть дистанцию, я упрямо остаюсь на месте.

— Решила устроить себе выходной от всяких тварей и тейней. Погулять по Некгару, пока я еще жива, — отвечаю я с коротким смешком. Сама мысль о том, сколько всего дикого произошло за эти дни, до сих пор не укладывается в голове. Но раз я стою здесь и еще умудряюсь язвить, значит, пока держусь.

— Рад, что ты в порядке. И что после всего... еще в таком настроении, — он не скрывает улыбки, и по его лицу видно: он думает о том же.

Улыбка у него открытая, без привычной насмешки, но в ней всё равно чувствуется какая-то скрытая, опасная сила. Темные глаза смотрят в упор, держат мертвой хваткой и не отпускают. Волосы Азара чуть растрепались после недавнего выброса, линия челюсти жесткая, плечи широкие. Он намного выше меня, так что приходится прилично задирать подбородок, чтобы просто удерживать этот взгляд. В какой-то момент я ловлю себя на том, что откровенно и нагло его разглядываю.

Жар поднимается к щекам так резко, что становится душ-

но.

Перестань так пялиться на него, дура, — мысль проносится в голове почти вслух. От этого становится только хуже. Азар, естественно, замечает, как я зависла, и жар на лице усиливается. А когда он делает еще один короткий шаг ко мне, из горла сам собой вырывается тихий вдох.

— Ты чертовски опасно выглядишь в этом, — говорит он тише. Взгляд Азара медленно проходит по платью, задерживается на вырезе и открытом бедре.

— Другой одежды у меня нет, — ляпаю я первое, что приходит в голову. Слова вылетают слишком быстро, а мысли начинают путаться от того, как близко он стоит.

— Райзгар ждёт тебя в кабинете. Я как раз искал тебя, чтобы проводить, — добавляет он.

Одного этого имени хватает, чтобы все очарование момента лопнуло как мыльный пузырь. Вся неловкость и тепло исчезают в ту же секунду. На их месте вскипает глухая злость, челюсть сама собой сжимается. Спокойствие, которое я так бережно собирала все утро, обрывается.

Но выбора действительно нет. Если его величество соизволил меня позвать, то кто я такая, чтобы заставлять хозяина этой дыры ждать.

Глава 7

Азар ушел, и тишина коридора тут же сомкнулась вокруг меня. Я смотрела на резное дерево двери и кожей чувствовала, как от него веет холодом.

«Вот дерьмо...» — мысленно выругалась я, когда внутри начала закипать знакомая до тошноты ярость. Стоило представить его лицо и этот взгляд, в котором я была лишь пешкой, как пальцы сами собой сжались в кулаки. Ногти больно впились в ладони, но эта мелкая боль была ничем по сравнению с пожаром под ребрами.

Меня трясло. Не от страха перед ним, а от дикого желания высказать всё, что я о нем думаю, и плевать на последствия. Но последствия будут, и за них придется платить. Мой остров. Мой брат. Одна моя ошибка или один сорвавшийся крик, и всё превратится в пепел.

Я закрыла глаза и прижалась лбом к прохладной каменной стене, пытаясь унять колотье в груди.

«Успокойся», — приказала я себе одними губами. Надо сделать из себя камень. Нужно заставить себя не слышать его. Превратить его голос в белый шум, в бессмысленный стрекот насекомого. Я представила, как поднимаю вокруг своего сознания высокую стену из прозрачного льда. Пусть он бросает свои слова. Они оставят лишь трещины на по-

верхности, но не доберутся до меня.

— Войди!

Глухой, вибрирующий голос доносится из-за двери так внезапно, что я вздрагиваю всем телом. Сердце испуганно бьется в ребра. Откуда он узнал? Почувствовал меня сквозь толстую древесину? Чертов монстр. Я ведь стояла тише воды, даже дыхание затаила, а он всё равно выследил, заставив кожу покрыться ледяными мурашками.

Этот звук не просто касается слуха, он ударяет в грудь тяжелой волной и пробирает до самых костей. Я толкаю массивную створку и переступаю порог.

В комнате царит полумрак, едва разбавленный тусклым светом из высокого окна. Райзгар стоит ко мне спиной. На нем черная боевая куртка из грубой кожи с ремнями, но все внимание приковывает не это. По его предплечьям и шее прямо под кожей тянутся иссиня-черные линии. Тьма внутри него пульсирует, расширяется и сужается в такт дыханию. Это живая, хищная материя, которая вот-вот прорвется наружу.

Его присутствие ощутимо давит на плечи, заполняя всё пространство вокруг и вытесняя воздух из легких. Каждая деталь в кабинете, от массивного стола до тяжелых портьер, будто подчинена этой силе.

Он слегка поворачивает голову. Движение резкое, хищное, но он так и не оборачивается полностью. В полумраке блестит только край его жесткой челюсти.

— Сядь!

Внутри меня всё взрывается. Сядь?! Кровь мгновенно ударяет в лицо. Гордость взвивается на дыбы, требуя ответить, огрызнуться, поставить его на место. Как он смеет приказывать мне, словно последней прислуге? От злости перехватывает горло, но я силой удерживаю себя от крика.

«Дыши. Просто дыши. Это всего лишь стул. Это не поражение», — твержу я себе, наступая на собственную гордость.

Я резко подхожу к массивному деревянному креслу и буквально падаю в него. Пальцы до белизны впиваются в резные подлокотники. Гнев внутри требует выхода, и мой светлый поток, обычно послушный, отзывается резким, яростным всплеском. Из-под ладоней с треском вырываются тонкие золотистые искры. По комнате тут же тянется едкий запах паленой древесины. Я не сразу соображаю, что от злости подпалила дубовые ручки кресла.

И вот тогда Райзгар медленно разворачивается всем телом.

Его взгляд сразу падает на дымящееся дерево под моими пальцами. На губах появляется хищная, злая улыбка. Он оскаливается, обнажая зубы. В этом выражении лица нет ни капли дружелюбия — только чистое удовлетворение охотника, который видит, что добыча наконец показала клыки.

— Вижу, гостеприимство тебе не по вкусу, принцесса? — его голос звучит как низкий рокот надвигающейся бури.

Я вскидываю голову, свет под кожей вспыхивает ярче, от-

зываясь на его оскал, и сдерживаться больше не получается — слова вылетают сами.

— Гостеприимство? — выплёвывая это слово, не скрывая отвращения. — Знаешь, я вообще не понимаю, почему я до сих пор здесь, а не гнию в темнице под твоим дворцом. Почему я всё ещё жива? Хотя нет это как раз понятно. Твои игры. Тебе просто нравится смотреть, как я дёргаюсь на твоём поводке.

Я смотрю прямо ему в глаза, не отводя взгляда и мысленно запрещая себе пятиться. Пытаюсь пробить это холодное спокойствие хоть чем-то, но там нет ничего, кроме глухой тьмы.

Он делает шаг ко мне, и от этого движения воздух в комнате сразу тяжелеет. В полумраке Райзгар кажется огромным, а черные линии под кожей на его шее дергаются быстрее, будто поток внутри него откликается на каждое мое дыхание.

— Всё, что от тебя требовалось, — сидеть тихо и не создавать проблем, — произносит он, и его голос бьет по ушам. — Ты сама виновата во всем, что случилось в лесу. Каждое твое действие, каждая тупая попытка огрызаться только затягивает петлю на твоей шее. Ты копошишься здесь только потому, что я это позволил. И точка.

Я вскакиваю с кресла, вообще не думая о том, что делаю. Дубовые подлокотники под моими пальцами напоследок слабо трещат.

— Сидеть тихо? Ждать своей участи, как овца на бойне? — голос срывается, но я не останавливаюсь. — Ну извини, Райзгар, я не собираюсь прогибаться под тебя и покорно ждать, что еще придет в твою голову! Я не твоя ручная игрушка!

Слова еще не успевают осесть, как воздух вокруг меняется. Он не касается меня — в этом нет нужды. Достаточно короткого движения рукой, едва заметного, и тьма срывается с него волной, заполняя пространство между нами. Она не просто окружает — она давит. Тяжелый, холодный поток наваливается сверху, вжимает в пол, не дает сделать ни шага, ни вдоха. В следующую секунду ноги подводят сами, тело не слушается, и я падаю обратно в кресло, словно меня вбили в него силой.

Тьма обвивается вокруг запястий, плотная, живая, сжимает до боли и не дает даже пошевелиться. Она держит мертвой хваткой, контролирует каждый нерв и не оставляет ни малейшего шанса вырваться.

Он наклоняется надо мной, полностью перекрывая тусклый свет из окна. От этого становится еще тяжелее дышать, в легких пусто и горячо.

— Ты забудешь о своем титуле, пока находишься в этих стенах, — произносит он тихо, но это давление сильнее любого крика. — Твое «равенство» закончилось в тот момент, когда ты переступила границу.

Он склоняется ниже, почти вплотную. Кожа улавливает

сразу два ощущения — тепло его тела и холод, идущий от потока. Они наслаиваются друг на друга, вжимая в спинку кресла и не давая нормально вдохнуть. Его лицо слишком близко. Жесткие, четкие черты, и глаза — в них нет зрачков, только густая, живая тьма, движущаяся сама по себе.

Страх проходит по телу короткой волной, но вместе с ним появляется странное, опасное чувство. Ярость, которая только что разрывала изнутри, начинает гаснуть. Она уходит глубже, растворяется, и на ее месте остается пустая, звенящая тишина.

И в этой тишине из груди вырывается короткий, нервный смешок.

Звук режет слух даже мне самой. Я вздрагиваю, не веря, что это действительно вырвалось. Причин для веселья нет вообще. Я только что орала на него, бросала слова прямо в лицо, а теперь сижу, прижатая силой к дереву, и смеюсь под замком из его темных нитей. В голове вспыхивает единственная связная мысль: странно, что он до сих пор меня не прибил.

Взгляд Райзгара меняется. В нем появляется внимательность, настороженность — так смотрят на вещь, которая не укладывается в привычную картину.

«Наверное, думает, что я сошла с ума», — пронесется в мыслях. После всего, что произошло за эти дни — страха, побега, постоянного ожидания конца, — любой бы сломался. Прежняя Алария из Асфира никогда бы не позволила се-

бе так смотреть, говорить и идти напролом, вообще не считаясь с последствиями. А сейчас мне плевать.

— Что? — голос выходит тихо, но ровно, без прежней дрожи. — Решил, что я сошла с ума? Знаешь, я бы на твоём месте тоже так подумала.

Он остается слишком близко. Его рука поднимается к моему подбородку и жестко фиксирует голову, не давая отвернуться. Пальцы давят на кость.

— Завтра ты увидишься с братом, — произносит он, и слова ложатся свинцом, вдавливаясь в сознание. — Если Асфир примет мои условия, я отпущу тебя. Более того, я забуду о том, что ты нарушила соглашение.

— Условия? — я прищуриваюсь, не отводя взгляда от его пустых черных глаз. — О чем ты говоришь?

Он не убирает руку, продолжая держать меня и всю комнату под своим контролем. На ладони у него старая мозоль, которая царапает мне кожу.

— Всё просто, — роняет он. — Асфир предоставит мне и моим людям полный доступ к вашим гротам. Без ограничений.

— Этого не будет, — я упрямо подаюсь вперед, несмотря на тиски его силы.

Его пальцы на моем подбородке на секунду замирают, а затем он резко убирает руку.

— Мой брат никогда на это не пойдет. Ты хочешь, чтобы вы ходили по нашим землям, как у себя дома? Гроты — это

сердце нашего острова, ты требуешь невозможного.

Райзгар упирается руками в подлокотники кресла по обе стороны от меня, замыкая в ловушку. Его тяжелая тень накрывает меня полностью. В нос бьет запах грозы и холодного металла.

— Слушай внимательно, наследница, — голос становится тише, но в нем столько силы, что спорить физически трудно. — Я получу эти гроты в любом случае. Либо через договор с твоим братом, либо через пепелище, в которое превращу ваш остров. Выбор за ним.

Я смотрю на него, не моргая. Ведь он мог начать войну сразу, мог стереть нас без лишних разговоров, и никто бы не вмешался. Но он этого не делает. Он предлагает договор. Странно. Но мой брат пойдет на эти условия. Я слишком хорошо знаю Авриэля. Если на одной стороне будет остров, а на другой — жизни людей и моя, он отдаст всё. Он не допустит войны.

Райзгар смотрит так, словно читает эти мысли прямо по моему лицу. Затем он медленно выпрямляется, отступая на шаг, но не теряя контроля.

— Утром будь готова, — произносит он. — Встреча состоится в Путих Теней.

Он делает короткую паузу. Давление в комнате сразу усиливается. Он специально дает прочувствовать каждое слово.

— И молись Немезису, чтобы твой брат пришел, — добавляет он, скалясь. На лице ни капли человеческого. — По-

тому что если он не явится, я отдам тебя своим солдатам на забаву, а твой остров раздавлю.

Он не повышает голос. Не делает резких движений. Но от этих слов по телу проходит липкий холод. Он оседает внутри тяжелым грузом. Я понимаю: он не пугает, он просто говорит, как будет.

— Свободна, — обрывает он и резко убирает силу.

Черные пути на запястьях исчезают в то же мгновение. Воздух разом возвращается в легкие, и я, не помня себя от злости и страха, подскакиваю с кресла. Разворачиваюсь и пулей вылетаю из кабинета.

Тяжелая дверь кабинета со стуком захлопывается за моей спиной. Звук отсекает его голос и давящую тьму. Я сразу срываюсь с места. Шаг переходит в быстрый бег. Босые ступни бьют по холодному камню, острые стыки плит больно режут кожу. Подол платья путается в ногах и мешает, но я не замедляюсь. Сейчас важно только одно — уйти отсюда как можно дальше.

Коридоры тянутся один за другим, переходят в залы. Высокие темные стены давят, сжимают пространство, потолки уходят вверх и растворяются в полумраке. Мимо проходят слуги и стража — темные силуэты, тяжелые доспехи. Каждый раз, когда я оказываюсь рядом, их взгляды цепляются за меня. Скользят по лицу, волосам, открытым плечам и босым ногам.

Да что вы вылупились, — зло огрызается нутро.

Я не замедляюсь. Держу спину прямо и не даю им ни одного повода увидеть слабость, хотя чувствую их слишком отчетливо. В их глазах нет открытой враждебности. Есть осторожность и любопытство, как к чужой, выбивающейся из их мира вещи. Для них я — лишняя здесь, как и они для меня.

Я иду дальше, почти не разбирая дороги, пока воздух резко не меняется. Становится теплее, пахнет сухими травами и горелым жиром. Кухня. Какой-то шум и стук посуды остаются в стороне, пока я на ходу огибаю длинные столы. Знакомая тяжелая дверь у стены оказывается прямо передо мной — я толкаю её плечом и выхожу наружу.

Воздух ударяет сразу. Холодный, свободный. На секунду я замираю. После закрытых залов это ощущается почти как освобождение. Вдыхаю на полную грудь и только сейчас понимаю, насколько тяжело было там, внутри. Камень крыльца обжигает босые ступни резкой прохладой.

Свет в Некгаре странный. Он вообще не греет. Ложится на всё вокруг холодным фиолетовым оттенком, смешивается с серым камнем и тенями. От этого дворец кажется еще более чужим, острым и вытянутым вверх. Ни одной мягкой линии.

Я бреду дальше, позволяя себе наконец замедлить шаг. Пятки шлепают по влажной от росы сорной траве, подол грязного платья волочится следом. Впереди среди серых валунов показывается сад.

Здесь нет привычных цветов, нет мягкости Асфира. Черные стволы деревьев тянутся вверх. Их обвивают светящие-

ся лианы — тонкие, гибкие, они медленно шевелятся, словно живые. Между корнями раскрываются странные формы, похожие на грибы. Их шляпки пульсируют мягким светом — не ярким, но достаточным, чтобы всё вокруг дышало этим холодным сиянием.

Подхожу ближе, протягиваю руку и касаюсь лепестка. Он прохладный, гладкий, почти как шелк. Это ощущение сырости и гладкости остается на коже.

Тихо. Не та тишина, что давит в замке, а другая — глубокая, ровная, в которой можно наконец вдохнуть без усилия. Я опускаюсь на каменную скамью, позволяя себе остановиться и не двигаться хотя бы пару минут.

Закрываю глаза и вижу брата. Он ищет. Я знаю это. Авриэль не остановится, пока не найдет меня. Он никогда меня не бросал, всегда был рядом и прикрывал спину, как бы тяжело нам ни приходилось. Грудь сжимается от тоски. Делаю вдох глубже и открываю глаза — нельзя тонуть в этом, сейчас не время.

Над островом висит плотное темное небо, тяжелое, без единой звезды. В этом странном саду среди теней я впервые просто сижу и дышу, не пытаюсь ничего решить.

Шум шагов разрезал тишину сада внезапно. Тяжелые, уверенные шаги. Мелкий гравий под ногами отчетливо захрустел. В ту же секунду по аллее пронесся резкий порыв ветра, заставив светящиеся лианы качнуться, а сухие листья на земле закружиться в коротком танце.

Из густых теней вышел Азар. На его лице играла мягкая, искренняя улыбка, которая удивительным образом смягчала его суровые черты. Глядя на него, я невольно почувствовала, как напряжение отпускает плечи. Он был другим. В отличие от своего правителя.

— Не помешаю? — негромко спросил он, остановившись в паре шагов.

— Нет, присаживайся, — ответила я, и сама удивилась тому, как мягко прозвучал мой голос.

Он опустился на каменную скамью рядом. Расстояние между нами было небольшим, и рядом с ним становилось спокойнее.

— Ты живёшь где-то там, внизу? — я кивнула в сторону города, чьи фиолетовые огни мерцали вдалеке.

— Нет, — он покачал головой, глядя на светящиеся грибы у наших ног. — Моя жизнь принадлежит этому дворцу. Мой дом здесь.

Азар помолчал, а потом вдруг хитро прищурился, и в его глазах заплясали искорки.

— Скажи, Алария... а у наследницы Асфира уже есть жених? Или твоё сердце так же неприступно, как ваши скалы?

Я непроизвольно фыркнула, пытаясь скрыть нахлынувшее смущение.

— Нет никакого жениха. Мне как-то не до этого было.

— Странно, — он покачал головой. — Не думал, что у вас в светлых землях мужчины настолько слепы.

Я почувствовала, как к щекам прилил жар. Чтобы спрятать смущение, быстро перевела разговор:

— А как же ты? У тебя наверняка есть невеста?

— Моя единственная невеста — это моя сталь, — усмехнулся он. — Тренировки, вылазки, охрана границ. Для остального просто нет времени.

Он вдруг посерьезнел, и его взгляд стал внимательным:

— Кстати, о вылазках. Что ты вообще делала в Путях Те-ней?

— Моя лошадь... — я с трудом сглотнула вязкую слюну. — Чего-то испугалась, понесла и влетела прямо в разрыв. Потом сорвалась и унеслась вглубь, оставив меня одну. Я пыталась найти обратный выход в Асфир, шла по тропе, но... Немезы. Они вышли прямо на дорогу. Я рванула куда угодно, лишь бы оторваться от них.

Азар резко выпрямился, его улыбка исчезла:

— Немезы не выходят на тропу, Алария. Они боятся потока.

— Можешь не верить мне! — воскликнула я с обидой. — Но они вышли! Я не сумасшедшая и видела их своими глазами: эти пустые глазницы, этот холод... Они были там!

— Может, ты сошла с тропы в тумане? — осторожно предположил он. — Не заметила, как оказалась в серой зоне?

— Нет. Я была на тропе, — отрезала я.

Между нами повисла тяжелая, звенящая тишина. Слышно было только, как шелестят лианы под порывами ветра. Азар

долго смотрел на меня, затем его плечи чуть расслабились:

— Я верю тебе, Алария, — тихо произнес он.

Я обняла себя за плечи. По спине прошел холод от одного воспоминания:

— Надеюсь, этого больше не случится. А что за твари были в долине?

— Мраготы, — коротко бросил Азар, нахмурившись.

— Почему они испугались твоего потока, а на мой свет поперли еще быстрее? — спросила я, вспоминая, как бесполезно вспыхивали мои ладони.

— Мраготы — это не просто животные, — Азар повернулся ко мне всем телом. — Это «губки» для потока. Если ударить в Мрагота потоком, зверь не погибнет. Он сожрет энергию и станет только быстрее. Моя тьма их душит, а твой свет для них — как лучшее лакомство. Ты их только подкормила.

— И много таких тварей в Некгаре?!

— Достаточно, — хмыкнул он. — У нас многие земли опасны.

В голове сразу щелкнуло. Вот почему Райзгар даже не стал запираť дверь в мою комнату. Они прекрасно знали, что без проводника я не пройду и мили по этой земле — меня либо сожрут, либо утянут в топь. Бежать просто некуда.

Я только тяжело вздохнула, признавая поражение, и поглубже спрятала босые ноги под подол платья. Азар не стал развивать эту тему и давить на больное. Он снова мягко

улыбнулся, принявшись рассказывать какие-то нелепые истории из своих пограни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.